

Э.И. СОЛОМОНИК

ДРЕВНИЕ НАДПИСИ КРЫМА

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1988

В книге рассказывается о сложной и трудной, но плодотворной и увлекательной работе ученых над прочтением и истолкованием греческих и латинских надписей Северного Причерноморья, главным образом Херсонеса Таврического и других центров древнего Крыма. Для широкого круга читателей.

Ответственный редактор член-корреспондент АН УССР С. Н. Бибииков

Рецензенты

доктор филологических наук А. А. Белецкий

доктор исторических наук Д. Б. Шелов

Редакция научно-популярной литературы

Заведующий редакцией А. М. Азаров

ISBN 5-12-000347-8

© Издательство «Наукова думка», 1988

OCR и вычитка – Aspar, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

НЕМНОГО ИСТОРИОГРАФИИ

«СОВЕТ И НАРОД ПОСТАНОВИЛ...»

«Кубики» и «кроссворды»

Четвертая крепость скифов

По служебной лестнице

ТЕАТР, СТАДИОН, ГИМНАСИИ

Под покровительством Немесиды

Спорт, спорт, спорт

ЛЮДИ И БОГИ

Врачеватели

Другие божества

ЭПИТАФИИ

ХАИРЕ ПАРОДЕИТА

Vixit annis...

КАМНИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

На чужбине

Дорога ведет в Рим

Список литературы

ВВЕДЕНИЕ

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
ИВАН БУНИН*

Идут археологические раскопки античного города... Обнажаются каменные кладки зданий, накапливаются горы керамики — обломков столовой и кухонной посуды, амфор, пифосов, черепицы, а также другие остатки предметов быта древнего человека. Но вдруг обнаруживается кусок камня с надписью... Это всегда волнующее событие. И не только из-за чрезвычайной редкости таких находок (особенно целых и больших надписей), а главным образом потому, что каждый раз мы полны ожидания узнать что-то новое о давно минувших веках. Ведь надпись — это живой голос истории, увековеченная в камне человеческая мысль. Быть может, перед нами какой-то официальный документ — принятое Советом и Народным собранием постановление, договор о дружбе и взаимопомощи, список победителей на состязаниях, а возможно, — посвящение какому-либо божеству, строительная надпись или, наконец, надгробие. Когда была вырезана новая надпись? На каком языке или диалекте она написана? Чтобы ответить на поставленные и многие другие вопросы, надпись передают эпитафисту, который приступает к ее всестороннему изучению.

Наука эпитафика (от греч. *epigraphe* — надпись) и занимается различными древними надписями на камнях, керамике, изделиях из металла, кости, дерева и другого твердого материала. Одни из них выполнены резцом, другие процарапаны тонким острием или нанесены кистью, третьи оттиснуты штампом по сырой глине.

Характерная для большинства надписей краткость компенсируется их количеством, когда речь идет о надгробных памятниках и особенно об амфорных клеймах. Каждая из них содержит весьма скромную информацию, но обработанная серия дает богатый материал для суждений о составе населения, местном производстве, интенсивности торговых связей с другими центрами и пр. По образному выражению известного французского эпитафиста Л. Робера, здесь надо рыbachить не удочкой, а неводом.

Часто надписи являются единственным источником для суждений о государственном строе и важнейших исторических событиях в том или ином городе, ибо древние авторы писали в основном о том, что происходило в главных центрах античного мира, и очень мало — о периферии. Кроме того, надписи часто заслуживают большего доверия, чем сочинения античных писателей и историков. Ведь почти все они составлены современниками, констатируют множество бесспорных фактов и дошли до нас в первозданном виде в отличие от рукописей, прошедших через руки многих переписчиков. Конечно, немало эпитафических памятников пострадало от времени, войн и непогоды, но наука изыскивает способы «лечить» камни и восстанавливать утраченные части текста.

Античная цивилизация оставила на юге нашей страны древнейшие памятники развитой письменности. Но на территории Крыма сменяли друг друга многие племена и народы, и каждый приносил свой язык и письмо: греки, римляне, гунзы, армяне, евреи, болгары и др. Греческий язык и шрифт, а также латынь претерпели в эпоху средневековья большие изменения, и потому надписями этого времени, как правило, занимаются медиэвисты (специалисты по средним векам).

Разноязыкие надписи собраны в эпитафических лапидариях, т. е. в хранилищах надписей на камнях (от лат. *lapis* — камень). Богатые коллекции созданы при Херсонесском, Бахчисарайском, Керченском и Феодосийском музеях.

Каждый раздел эпиграфики связан с конкретным языком и письмом, с историей определенного общества. Поэтому существует греческая, латинская, армянская, арабская эпиграфика, и каждой из них занимаются специалисты соответствующего профиля.

Настоящая книга посвящена памятникам античной эпиграфики (греческим и латинским), но это не очерк историографии и не учебное пособие. Задача автора — рассказать о важных и интересных надписях, преимущественно херсонесских, которые были найдены или изданы в советское время и над которыми автору пришлось лично работать. Причем не только познакомить читателей с их содержанием, но и раскрыть методы и приемы исследования, пройти вместе с ними трудный и увлекательный путь чтения, дополнения утраченных частей надписей и датировки вновь найденных, наглядно показать, как из них извлекают ценные исторические сведения, расширяющие наши представления о далеком прошлом.

В научных работах, рассчитанных на специалистов, принято излагать обоснованные результаты исследований, а не историю поисков, связанных с творческими находками и неудачами. Но как заманчиво рассказать об этом в научно-популярной книге.

Широко известны имена крупных ученых, которые не только находили время написать популярную книгу о своей науке, но и считали это почетной обязанностью. Достаточно вспомнить «Жизнь растений» К. А. Тимирязева, «Воспоминания о камне» А. Е. Ферсмана, «Над арабскими рукописями» И. Ю. Крачковского, по которым целые поколения знакомятся с достижениями ботаники, минералогии, филологии и других отраслей знаний. После дешифровки М. Вентрисом в 1952 г. крито-микенской письменности на глиняных табличках советский историк античности и филолог С. Я. Лурье, изучая эти удивительные памятники греческой истории XV в. до н. э., написал не только научный труд «Язык и культура Микенской Греции» (1957), но и популярную книгу «Заговорившие таблички» (1960), где интересно и доходчиво изложил историю крупнейшего открытия XX в. в области дешифровки древнего письма.

Эти разные по стилю и характеру книги роднит бесконечная любовь их авторов к науке и потребность поведать об этой науке людям. Кроме того, они написаны самими исследователями, что придает изложению особый «аромат». Такие книги справедливо относят к жанру «научного поиска», который в наши дни уверенно заявил о себе, завоевав интерес и признание среди широкого круга читателей.

«Загадки, гипотезы, поиски доказательств, неожиданные препятствия, пафос открытия — все это может составить увлекательный сюжет независимо от того, в какой области науки ведется исследование», — пишет известный советский литературовед и писатель Ираклий Андроников и в ответ на замечания некоторых скептиков продолжает: «Каждый раз, когда ученый ... приоткрывает кулисы своей работы, она становится для неподготовленного читателя увлекательной и доступной».

Он горячо защищает этот литературный жанр, называя его «детективом без преступления», «историей приключений ученого». Рассказ в книгах подобного рода обычно ведется от первого лица, но автор повествует не о себе, а о своей исследовательской работе. Ведь скромный вклад каждого входит в общую сокровищницу науки.

В отечественной литературе до сих пор не появлялось научно-популярных книг, посвященных античным лапидарным надписям. Постараемся по мере возможности частично восполнить этот пробел, хотя вполне разделяем кажущееся на первый взгляд парадоксальным мнение некоторых литературоведов о том, что популярная книга — самый трудный из всех жанров.

НЕМНОГО ИСТОРИОГРАФИИ¹

¹ Историография — история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной теме или исторической эпохе.

Где искать истоки эпиграфики? С каким временем можно связать зарождение этой отрасли исторической науки? Ответ на первый вопрос дают сами древние греки, ибо в сочинениях Геродота и Фукидида, речах Лисия и Демосфена неоднократно цитируются различные надписи. В 1877 г. в Афинах были найдены обломки камней с договором 420 г. до н. э. и эпиграмма в честь внука Писистрата на жертвеннике Аполлона. Сравнив их с текстами тех же документов, приведенных Фукидидом, можно убедиться в том, что он точно воспроизводил подлинники.

В III в. до н. э. уже возникла идея собрать тексты государственных декретов и составить сборники этих важных исторических документов. Приходится лишь сожалеть, что сборник античных надписей Филохора и собрание афинских постановлений, подготовленное македонянином Кратером, не дошли до наших дней. Та же участь постигла сборник Полемона (II в. до н. э.), который списывал надписи в разных городах Греции, Италии и Малой Азии.

Интерес к античной истории и культуре, возникший в эпоху Возрождения, возродил и внимание к древним надписям. Их первым собирателем стал энергичный и любознательный итальянский купец Кириакиос из Анконы (XV в.), но многие материалы из его коллекции, в том числе и рукописи, погибли.

В 1603 г. под руководством лейденского ученого И. Скалигера было подготовлено и издано первое большое собрание греческих и латинских надписей, включавшее 12 тыс. памятников; в начале XVIII в. Парижская Академия наук решила собрать и опубликовать **все** античные надписи.

Некий аббат Фурмон был послан в Грецию с заданием сделать точные копии надписей с оригиналов и описать их. Он оказался авантюристом и фактически сорвал все мероприятие. На долю Фурмона, который мог вписать ценную страницу в историю эпиграфики, пришлась слава Герострата. В повести Даниила Гранина «Однофамилец» есть такое меткое высказывание: «Наука не мешает человеку быть подлецом, но подлость мешает человеку быть ученым». Оно в полной мере относится к аббату Фурмону.

В XIX в. центром по изучению и изданию античных надписей стала Германия. А. Бек начал в 1825 г. издание «Корпуса (т. е. свода) греческих надписей», а Т. Моммзен в 1863 г. — «Корпуса латинских надписей». Впервые в основу классификации памятников был положен географический и хронологический принцип. Включая новые материалы, добытые археологическими раскопками, тома этих сводов продолжают издаваться и переиздаваться следующими поколениями эпиграфистов на все более высоком научном уровне. Кроме того, ученые разных стран начали разрабатывать методы чтения, дополнения и датировки надписей, изучать по ним развитие языка и письма, издавать тематические сборники надписей и своды по отдельным регионам.

В указе Петра I 1718 г. приносить в Кунсткамеру «...все, что зело старо и необыкновенно», в перечне раритетов для первого музея России названы также «старые подписи на камнях, железе или меди». Этот факт не отмечался в работах по эпиграфике.

История античной эпиграфики в России тесно связана с раскопками греческих городов на юге нашей страны в XIX в., но уже путешественники и исследователи конца XVIII и начала XIX вв. (член Петербургской АН П. С. Паллас, П. И. Сумароков, Я. Потоцкий, П. И. Кеппен), знакомясь с природой и древностями Причерноморья, делали копии греческих и латинских надписей.

Известны труды по эпиграфике Ф. Б. Грефе, Л. Э. Стефани, В. Н. Юргевича, И. В. Помяловского и др. Расцвету этих работ способствовало создание Одесского общества истории и древностей, а также Русского археологического общества.

С именем профессора Петербургского университета Ф. Ф. Соколова связано создание русской эпиграфической школы, из которой вышли такие крупные специалисты, как А. В. Никитский, Н. И. Новосадский, и будущие академики В. В. Латышев, С. А. Жебелев, И. И. Толстой. Представители этой школы положили в основу изучения

надписей историко-филологический принцип, который получил дальнейшее развитие в работах советских эпитаграфистов.

Научные интересы Ф. Ф. Соколова были широки и разнообразны. Особенно ценные результаты дали его работы по изучению списков дани афинских союзников, а также по дополнению утраченных частей текста и датировке ряда греческих надписей, изданных в 1825 г. немецким филологом и историком Древней Греции А. Веком. Велики и заслуги Соколова-педагога, ибо он впервые в России ввел курс эпитафики в университетскую программу и командировки молодых специалистов в Грецию. Горячий приверженец и пропагандист эпитафики, он писал о ней такими вдохновенными словами: «Древние надписи производят особое, глубокое впечатление, отличаются особым захватывающим интересом: внимая им, как бы слышишь голоса, отрывки разговоров дня, которому минуло две тысячи лет» [1].

А. В. Никитский, пешком исходивший землю Древней Эллады, проявил особый интерес к дельфийским надписям и разработке методики изучения эпитафических памятников. От исследователей он требовал точных копий надписей, изучения формул различных документов и впервые поставил вопрос о возможности применения статистического метода при обработке массового материала. «Видеть на камне больше других,— писал он в одной из статей,— может лишь тот, кто подходит к нему много раз, вооруженный огромной начитанностью в греческих надписях и в греческой литературе, и в новейших исследованиях».

Главная заслуга Н. И. Новосадского — подготовка к изданию первого в России курса греческой эпитафики (1909), в основу которого были положены его лекции в Московском археологическом институте. Задумав двухтомное издание, Новосадский, к сожалению, успел опубликовать лишь первую часть, посвященную истории науки как в нашей стране, так и за рубежом.

Самыми крупными достижениями отечественная эпитафика обязана, несомненно, выдающемуся ученому с мировым именем, академику В. В. Латышеву (рис. 1). Его перу принадлежит более 200 трудов, среди которых на первое место следует поставить «Корпус греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря», издававшийся с 1885 по 1916 г.² В 1896 г. он опубликовал сборник средневековых греческих надписей, включив в него все известные тогда находки. Латышев разработал классификацию надписей, разделив их по содержанию на группы. Стремясь к максимальной точности воспроизведения, он старался лично осмотреть каждый памятник.

Уже современники высоко оценили его заслуги, отмечая огромные знания, талант эпитафиста и редкую трудоспособность. Он был избран членом Петербургской Академии наук, а также членом-корреспондентом Берлинской Академии наук.

На VI Археологическом съезде, собравшемся в Одессе в 1884 г., В. В. Латышев, докладывая о подготовке свода надписей, так определил их значение для различных отраслей знания: «...историк найдет немало новых и интересных сведений, относящихся к политической истории и государственному устройству эллинских поселений Черноморья, мифолог и исследователь религиозных древностей почерпнет сведения о новых культах божеств, их праздниках и обрядах, археолог — новые данные для более разностороннего изучения общественного и частного быта поселенцев, филолог ближе познакомится с языком, которым они говорили и излагали свои письменные документы, лингвист узнает массу новых негреческих имен, которые послужат ... материалом для исследований о происхождении и языках тех народов, среди которых жить и с которыми сталкиваться приходилось эллинским поселенцам северного побережья Евксинского Понта».

Фактически здесь намечена целая программа исследований для нескольких поколений ученых. В. В. Латышев на своем опыте испытал, с какими трудностями связаны подготовка и издание свода надписей, и потому указал в докладе на возможность

² В дальнейшем при многочисленных ссылках в тексте на это издание будем сокращенно называть его «Корпус».

отдельных промахов и недостатков. Это было не просто напоминанием о том, что каждому свойственно ошибаться, но нечто большее — определение меры ответственности ученого при введении в науку такого огромного количества источников, а также признание молодости эпиграфики (в частности, слабой разработки хронологии надписей), которая при своем дальнейшем развитии внесет неизбежные коррективы и дополнения в старые труды.

К выполнению выдвинутой В. В. Латышевым программы исследований первым приступил он сам. Комментарии к отдельным надписям часто превращались им в статьи по самым разным вопросам, например о гражданской присяге херсонесцев, древних календарях, культе Девы и др. На основе ряда государственных постановлений Латышев впервые реконструировал картину государственного устройства Херсонеса и Ольвии [2], а в начале II тома «Корпуса», посвященного надписям Боспора, поместил большой исторический очерк. Несмотря на значительный прирост материала со времени издания этих работ, новые надписи, как правило, подтверждают и дополняют основные положения, выдвинутые Латышевым; следовательно, труды ученого выдержали самое строгое испытание — временем.

По просьбе В. В. Латышева группу латинских надписей подготовил для «Корпуса» и снабдил комментариями профессор Петербургского университета М. И. Ростов-дев. На основе анализа этих надписей Ростовцев написал несколько статей о пребывании римских легионеров в Северном Причерноморье. Интересное исследование он также посвятил почетному декрету в честь Сириска — историка, жившего в Херсонесе в III в. до н.э. и увенчанного народом за его труды золотым венком. В 1958 г. в связи со столетием со дня рождения В. В. Латышева был выпущен специальный сборник, посвященный его памяти [3]. В нем освещена разносторонняя деятельность ученого как эпиграфиста, историка и редактора, труды которого принесли мировую славу русской науке об античности.

Советская историческая наука открыла новый этап в изучении античного общества. По-новому зазвучали и многие древние надписи, особенно в трудах академика С. А. Жебелева (рис. 2).

Круг научных интересов С. А. Жебелева был весьма широким, охватывая античную историю, филологию, религию, искусство и археологию, но главным объектом исследований являлись эпиграфические памятники, живой интерес к которым возник у него в студенческие годы под влиянием Ф. Ф. Соколова; послеоктябрьский период деятельности Жебелев почти целиком посвятил истории и эпиграфике Северного Причерноморья.

Обозревая творческий путь этого ученого и педагога, автора большого количества научных работ, академик И. И. Толстой писал, что «академик Жебелев является, несомненно, крупнейшим филологом-античником конца XIX и первой половины XX века».

Для С. А. Жебелева была характерна исключительная скромность, честность, принципиальность и самокритичность, редкое умение признавать допущенные в работе ошибки. Последнее свидетельствует отнюдь не о слабости, а, наоборот, о силе и мужестве ученого.

Будучи студентами, мы не раз слушали интересные доклады и выступления С. А. Жебелева в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, где он руководил сектором Древнего Причерноморья и воспитал плеяду советских историков и археологов. В 1939 г. мы присутствовали на юбилейном заседании, посвященном 50-летию его научно-педагогической деятельности. Организаторы юбилейного торжества стремились провести его как можно пышнее, с приветственными речами и выступлениями артистов, но Жебелев заранее ото всего отказался и продиктовал следующую программу: в первом отделении — несколько научных докладов его учеников, во втором — немного классической музыки в исполнении струнного ансамбля Ленинградской филармонии...

Энергичный и подвижный, Сергей Александрович был полон сил и творческих замыслов, и никто не мог подумать, что всего через два года его настигнет смерть. Он не согласился эвакуироваться из блокадного Ленинграда, продолжал работать и, несмотря на почтенный возраст, подымался вместе с дружинниками на крышу Эрмитажа, чтобы гасить сброшенные фашистами «зажигалки».

После смерти С. А. Жебелева в его научном архиве нашли одну необычную рукопись, которую он назвал «Автонекролог». В ней он подытожил свою научную деятельность и высказал много ценных мыслей и пожеланий, в том числе и по поводу эпиграфики. По мнению ученого, эпиграфистом может считаться не всякий, кто издаст или прокомментирует несколько надписей, а лишь специалист, который имеет постоянное общение с самими камнями, кто публикует впервые надписи, кто предлагает к ним восстановления.

В 1953 г. был издан сборник статей С. А. Жебелева, посвященных Северному Причерноморью. Две из них касались выдающихся эпиграфических памятников — херсонесской присяги (1935) и декрета в честь Диофанта (1933) и ярко демонстрировали исследовательский стиль ученого.

Обратившись к херсонесской присяге после В. В. Латышева, С. А. Жебелев перечислил заслуги своего предшественника, но указал, «...что он не отметил того значения, какое документ имеет для истории Херсонеса, для уяснения его экономики, для характеристики взаимоотношений херсонесцев к окружающему его туземному населению». Тщательно анализируя каждый термин документа, он дал его всестороннюю, строго обоснованную характеристику, а также новый уточненный перевод. На основе сравнения херсонесской присяги с аналогичными надписями из двух критских городов, ученый пришел к выводу, что она была связана с особыми, чрезвычайными обстоятельствами, сложившимися в Херсонесе в конце IV — начале III в. до н. э., с острой политической борьбой и попыткой произвести государственный переворот для свержения демократического строя. Поэтому ее, видимо, принимали не эфебы (юноши, достигшие совершеннолетия), как предполагал В. В. Латышев, а все граждане, поклявшиеся охранять демократию и бороться с заговорщиками.

Кроме того, С. А. Жебелев показал, как отразилось в присяге расширение границ государства за счет присоединения городов и земель к северо-западу от Херсонеса; обратил внимание на проблему хлебной торговли, игравшей важную роль в экономике Херсонеса, и, наконец, не обошел спорного вопроса о культе богини Девы, возможно, заимствованном у соседних тавров.

Еще более известна несколько раз переизданная статья С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», посвященная декрету в честь Диофанта. В отличие от большинства лаконичных надписей, в декрете весьма подробно описаны драматические события конца II в. до н. э., затронувшие скифское государство, Херсонес, Боспор и Понтийское царство. Вслед за первыми издателями и переводчиками этой уникальной надписи — В. Н. Юргевичем и В. В. Латышевым — к ее датировке и толкованию неоднократно возвращались и у нас, и за рубежом.

С. А. Жебелев главное внимание сосредоточил на вопросах социальной борьбы, считая, что события на Боспоре надо расценивать не как обычный дворцовый переворот, а как грандиозное восстание народа против своих угнетателей — первое из известных на территории нашей страны. Жебелев предполагал, что возглавлявший восстание скиф Савмак был рабом, а следовательно, и все движение — восстанием рабов. Этот вопрос вызвал в послевоенные годы оживленную дискуссию, в которой приняли участие видные историки, археологи и нумизматы, в том числе С. Я. Лурье, В. Ф. Гайдукевич, В. В. Струве, К. В. Голенко, Э. Л. Казакевич, К. М. Колобова и др. Спор шел в основном вокруг толкования термина «воспитанник», который (как выяснилось на основе новых материалов) мог обозначать у греков и раба, и свободного; кроме того, по контексту надписи он мог относиться или к Савмаку, или к Диофанту. Мнения разошлись и по

поводу группы монет с плохо-сохранившейся надписью: одни ее читали как Савмак, а другие — как Савлак.

Предположение С. А. Жебелева о рабском происхождении Савмака ряд ученых восприняли и повторяли (особенно в популярной литературе) как доказанный факт, а потому критические замечания по этому поводу расценили как попытку исказить историю и принизить авторитет Жебелева. Такой подход в корне ошибочен, ибо в процессе развития любой отрасли науки необходимо выдвижение гипотез, заставляющих продолжать работу в указанном направлении. По мере накопления нового материала эти гипотезы подвергаются пересмотру и только в случае полного подтверждения превращаются в доказанные положения и факты. Что же касается восстания Савмака, то в его истории еще многое остается неясным, и нам приходится лишь надеяться на появление новых письменных источников.

Недавно в архиве Крымского областного музея была обнаружена неизвестная ранее рукопись статьи С. А. Жебелева: «Торгово-консульская служба в древнегреческих колониях Северного Причерноморья», написанная в 1930 г. в основном на эпиграфическом материале. В 1982 г. она была издана, что существенно пополнило серию работ автора по истории античных городов на юге нашей страны.

Из плеяды талантливых учеников Ф. Ф. Соколова следует назвать еще одно имя — академика И. И. Толстого. Ранняя книга Толстого «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте» (1918), посвященная культам Ахилла и Девы, почти целиком построена на эпиграфическом материале, особый интерес к которому также возник под влиянием его учителей — Соколова и Жебелева. Даже первая студенческая статья И. И. Толстого касается толкования одного граффито, т. е. надписи, процарапанной на сосуде (от ит. *graffito* — нацарапанный) с острова Левки. После многих блестящих работ по античной литературе, мифологии и фольклору он вновь обратился к надписям: продолжил начатую еще В. В. Латышевым подготовку к переизданию боспорских надписей, а в 1953 г. издал первый сборник граффити древних городов Северного Причерноморья. И. И. Толстой планировал подготовить в дальнейшем полный свод античных граффити, найденных на юге нашей страны, но не успел выполнить эту задачу, и эстафету приняло следующее, послевоенное поколение советских эпиграфистов.

Все, кто общался с Иваном Ивановичем, слушал его лекции по античной литературе, не забудут его обаятельную улыбку, выразительный голос, непринужденную манеру изложения — редкий дар лектора, с неповторимым артистизмом раскрывавшего перед слушателями образы героев древнего эпоса, трагедий и комедий в сочетании с тонким анализом произведений.

В послевоенные годы был завершён большой коллективный труд по переизданию боспорских надписей с включением сотен новых находок, опубликованы сборники надписей Ольвии и Херсонеса [4]; постоянно издаются статьи по разным группам амфорных клейм и «овым эпиграфическим памятникам, которые приносят раскопки городов и поселений античной эпохи.

Читатель может заинтересоваться, где и как готовят специалистов по античной эпиграфике. Особой кафедры или эпиграфического отделения в вузах нет, но для историков древнего мира в крупных университетах страны наряду с курсом лекций по мифологии, греческой и римской литературе, античному искусству, философии, нумизматике читают спецкурсы по эпиграфике и папирологии. Основу для усвоения этих дисциплин даёт обстоятельное изучение древнегреческого и латинского языков и занятия по греческой диалектологии. Курс эпиграфики читают и на классическом отделении филологического факультета.

«СОВЕТ И НАРОД ПОСТАНОВИЛ...»

В 1888 г, под руководством археолога К. К. Косцюшко-Валюжинича начались систематические раскопки Херсонеса. Сначала он исследовал средневековый город, а потом открыл под ним остатки античного Херсонеса. Раскопки «Русской Помпеи», как любили тогда называть Херсонес, ежегодно умножали коллекцию эпиграфических памятников, среди которых особое внимание привлекали государственные декреты с неизменной формулой: «Совет и Народ постановил...» Но еще до работ К. К. Косцюшко-Валюжинича были случайно найдены некоторые интересные надписи, например, в 1793 г.— надгробие Теагена и Ульпии римского времени с рельефным изображением супругов (хранится в Эрмитаже), в 1794 г.— постамент статуи Агасикла (III в. до н. э.) с перечнем его должностей и заслуг (памятник долго находился в Одесском музее, теперь — в экспозиции Херсонесского музея), в 1878 г.— названный выше декрет в честь Диофанта конца II в. до н. э. (хранится в Эрмитаже), в 1879 г.— акт о продаже земли и др.

Особенно много надписей на камне было обнаружено при рытье котлована под фундамент Владимирского собора на месте древней площади (присяга граждан города, мраморный постамент статуи Афины Спасительницы IV в. до н. э. и ряд декретов), а также во время раскопок Р. Х. Лепером городских кварталов и некрополя. Леперу принадлежит и издание ряда важных херсонесских надписей.

Когда в 1916 г. был переиздан 1-й том «Корпуса» В. В. Латышева, в него вошло 395 херсонесских надписей. В последующие годы sporadически издавались отдельные новые находки.

В 1957 г. в Херсонесском музее был создан лапидарий, в котором каменные плиты группировались по хронологическому принципу с выделением внутри каждой группы (следуя классификации В. В. Латышева) декретов, посвящений, надгробий и др., а для римского периода — латинских надписей (рис. 3).

Это значительно облегчило изучение эпиграфической коллекции Херсонеса, выявление на основе архивных записей неизданных памятников, а также позволило организовать лекции и практические занятия по эпиграфике для студентов Ленинградского, Львовского, Башкирского, Свердловского университетов и многочисленных участников археологических экспедиций в Крыму.

В 1948 г., когда был создан Отдел археологии Крыма АН СССР, под руководством П. Н. Шульца начались систематические раскопки Неаполя Скифского (на окраине нынешнего Симферополя) и других памятников. Для всестороннего комплексного изучения исторических древностей им были привлечены специалисты разного профиля: историки, нумизматы, искусствоведы, антропологи, палеозоологи, палеоботаники и эпиграфисты.

В 1949 г. на Неаполе был найден обломок небольшого мраморного постамента с остатками греческой надписи: в результате удалось установить, что это посвящение некоего грека Евмена богине плодородия Деметре, выполненное, судя по особенностям шрифта, во II в. до н. э. Затем были подготовлены к печати все надписи Неаполя и началось планомерное изучение эпиграфических памятников Херсонеса. Ведь для историка надписи — важный источник достоверных фактов, позволяющий воссоздавать различные стороны политической, экономической и культурной жизни античных городов-государств.

«КУБИКИ» И «КРОССВОРДЫ»

Раскладывая надписи в лапидарии, я обратила внимание на два небольших обломка с узористым греческим текстом, вырезанным курсивным шрифтом римского времени (т. е. скорописью). Один из них найден в 1909 г. в северо-восточной части Херсонеса, в яме с перемешанным материалом римского и средневекового времени («Корпус», № 697), а другой — в 1940 г. в северном районе города, около 10-й улицы, в засыпи древней рыбозасолочной цистерны. Внешне фрагменты мало похожи, так как один, видимо,

побывал в пожаре и потому покрыт желто-коричневыми пятнами, другой же имеет серый налет и сильно поврежденную поверхность. Оба они были порознь изданы и, казалось, не представляли особого интереса, но чем больше я к ним присматривалась, тем больше убеждалась, что это разбросанные временем части одной плиты, Нашла аналогичные случаи в «Корпусе» В. В. Латышева (например, № 364) и всесторонне ознакомилась с системой его аргументации.

Порода камня, его толщина, обработка лицевой и обратной сторон, высота букв и расстояние между строками, формы и пропорции букв,— все подтверждало высказанную догадку. И действительно, строки сложились друг с другом, как картинка в детских кубиках, и образовали среднюю, постановляющую часть декрета II в. н. э. о проксении (гостеприимстве), в котором Херсонес давал ряд привилегий жителю Синопы — важного торгового центра на южном берегу Черного моря (рис. 4).

Античный институт проксении являлся предшественником современных торгпредств и посольств. Нроксен оказывал у себя на родине поддержку и помощь приезжим (в основном купцам), а сам, в свою очередь, пользовался в этом городе указанными в декрете льготами и привилегиями. Такие документы составляли по строго установленным формулам, слегка менявшимся в разных Центрах и в разное время. Еще А. В. Никитский призывал тщательно изучать формулы отдельных типов надписей для обоснованных дополнений.

Рассчитав расположение надписи на камне и сравнив ее текст с другими аналогичными декретами, можно было предложить следующий перевод: «...да постановит Совет и Народ похвалить за это Люция Корнелия Понтиана, синопейца, дать ему гражданство проксении, (право) въезда и выезда в мирное и военное время без ущерба и без договора, и ему, и потомкам и имуществу его...»

Экспедиция Уральского университета им. А. М. Горького обнаружила в 1959 г. склеп, вход в который был закрыт массивной плитой с греческой надписью. Полностью сохранившийся на ней текст декрета о проксении, найденный и изданный Е. Г. Суровым, внес немало интересного в изучение этой группы постановлений, но, в свою очередь, заставил задуматься над рядом новых вопросов [5].

Декрет имеет дату—155 г. херсонесской эры (т. е. 130—131 гг. н. э.) и называется еще один, неизвестный доселе месяц херсонесского календаря — латой (Лато — дорийская форма имени богини Лето, матери Артемиды и Аполлона). Сходство календарей Херсонеса и Каллатии позволяет реконструировать календарь их общей метрополии Гераклеи Понтийской. Принят декрет в честь некоего Папия из Гераклеи; он свидетельствует о продолжении дружественных отношений Херсонеса с его метрополией в первые века новой эры и дает дополнительные материалы о государственном строе города, находившегося под влиянием Рима.

Все декреты о проксении приняты в Херсонесе решением Совета и Народного собрания — главных органов власти республики. В отличие от них на Боспоре, где уже при Спартокидах установилась монархия эллинистического типа, надписи о проксениях делали от имени правителя государства [6]. Отметим, что только на основе надписей выявились многие особенности государственного строя Боспора и его взаимоотношений с соседними племенами.

В 1937 г. среди многочисленных находок в северном районе Херсонеса оказался правый нижний угол мраморной плиты, на которой с трудом можно было разобрать окончания нескольких строк греческой надписи. Плиту, видимо, использовали в древности для каких-то хозяйственных нужд, быть может, растирания зерен или красок, что погубило надпись.

Чего можно было ожидать от памятника, лишь названного в архивной описи находок, и стоило ли обращать на него внимание? Однако любой фрагмент необходимо исследовать до тех пор, пока не будут исчерпаны все возможности дешифровки. Но как приступить к такой задаче, на что опереться?

После прорисовки сохранившихся букв по шрифту удалось установить датировку — II—I вв. до н. э., т. е. время, от которого сохранилось очень мало надписей. Это увеличивало ценность плиты и стимулировало дальнейшие поиски.

На память пришла первая университетская лекция по эпиграфике. Стремясь объяснить самую суть этой науки, профессор С. Я. Лурье сказал примерно следующее: «Представьте себе половинку столбца газетного текста. Чтобы его частично дополнить, понять смысл и содержание статьи, надо немало потрудиться, хотя статья напечатана четкими буквами, написана на родном языке и касается знакомых нам событий сегодняшнего дня. Та же задача стоит перед учеными, только надписи вырезаны на камне, часто повреждены, текст написан на древнем языке, без знаков препинания и деления на слова». Попытка дополнять древние надписи, словно газетные обрывки, напоминала решение кроссвордов, только оказалась еще интереснее и навела на целый ряд размышлений: например, восстановить погибшую часть какого-нибудь указа оказалось намного легче, чем корреспонденцию о том или ином событии.

Исследуемая надпись, по сути, была очень похожа на такой газетный обрывок. В седьмой строке удалось восстановить слово «секретарь», а в последней — окончание имени собственного. Если это имя секретаря Совета, которое ставили как раз в конце декретов, то остальные строки должны дополниться по принятым формулам. Только неверное предположение приводит в тупик, а верное подтверждается каждым новым фактом. Так, строка за строкой была дополнена заключительная часть на первый взгляд совершенно безнадежной надписи: «...Это постановление написать на плите из белого камня и поставить перед алтарем Девы; необходимые же на это расходы выдать казначеям храмовых сумм. Так постановил Совет и Народ месяца Гераклия, такого-то дня при бацилесе таком-то, проэсимнете Исократе..., секретаре таком-то...» Далее шел перечень выборных должностных лиц Херсонеса.

Раскопки в Херсонесе развешивались все шире, однако новая эпиграфическая находка и на этот раз была сделана не в поле, а в созданном нами лапидарии.

Так что новую надпись можно «найти» не только во время раскопок, но и при внимательном изучении старых находок. Это не раз подтверждалось работами эпиграфистов над памятниками Ольвии и Боспора. Ведь увидеть то, чего другие не замечали — залог успеха в любой науке. Эпиграфика же требует утроенной наблюдательности и внимания к каждой черточке, оставленной древним резчиком.

ЧЕТВЕРТАЯ КРЕПОСТЬ СКИФОВ

Еще в 1910 г. Р. Х. Лепер нашел в Херсонесе, в обкладке средневековой могилы, небольшой обломок мраморной плиты размером 15,5X1с см с остатками 13 строк четко вырезанной греческой надписи. Почему он не опубликовал этот памятник и не передал его В. В. Латышеву вместе с другими надписями, установить невозможно. Находка благополучно пролежала в Херсонесском музее свыше 50 лет и не пострадала ни в годы гражданской, ни Великой Отечественной войн, как некоторые другие памятники (рис. 5).

Прежде всего бросились в глаза удивительно знакомый шрифт и манера письма. После детальной сверки «почерков» (методами, сходными с теми, которые применяют в криминалистике) удалось установить, что тот же мастер вырезал в конце II в. до н. э. почетный декрет в честь Диофанта и декрет о взятии Калос Лимена³ («Корпус», № 352 и 353). Оба памятника хранятся в Эрмитаже, и потому, чтобы рассмотреть глубину букв, следы инструмента и другие детали, которые не может полностью передать самая лучшая фотография, пришлось поехать в Ленинград и сличать с подлинниками. Но труд был затрачен не даром, ибо небольшой обломок оказался фрагментом еще одного почетного декрета в честь неизвестного участника диофантовых войн.

³ Калос Лимен (Прекрасная гавань), видимо, находился на северо-западе Крыма на месте современного пос. Черноморский.

Первые строки были отбиты, а дальше сохранилась часть текста с мотивировкой декрета и перечислением заслуг чествуемого лица, т. е. наиболее важная в историческом отношении. Но именно эту часть (в отличие от постановляющей) писали не по формуле, а в зависимости от излагаемых событий и фактов; поэтому восстановить отбитую левую половину можно только частично по общему смыслу и контексту.

В надписи говорится, что в тревожное для города время некий гражданин Л/ оказал ему помощь, восстановив за свой счет какие-то сооружения (вероятно, оборонительные стены) и обеспечив безопасность народа. В том же году, собрав необходимые средства, он выступил против крепости Напит (или Напитов).

Содержание отрывка указывает на военные события, а датировка — на время войны Херсонеса со скифами, известной из сообщений географа Страбона и декрета в честь Диофанта — полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора. Отсюда следует, что крепость Напит, против которой был организован поход, принадлежала скифам. Но до сих пор на основе названных уже источников считалось, что у скифов было в Крыму три крепости: Палакий, Хабеи и Неаполь. Откуда взялась четвертая, почему о ней умалчивали, где найти прямые доказательства того, что она скифская? Опять тьма вопросов, но это неплохо, ибо они ведут к новым поискам и находкам.

В «Географическом словаре» Стефана Византийского упоминается Напит — поселение в Скифии, и напитки — этноним (т. е. наименование народа или племени). О напитках, напаях и напах писали также Плиний Старший, Диодор и Орфей, причем два последних относили их к скифам. До сих пор свидетельство Стефана Византийского не привлекали к истории Крыма, потому что он дал слишком общую локализацию Напита — «в Скифии». Только херсонесская надпись позволила уверенно говорить еще об одной крепости скифов в Крыму. По размерам и стратегическому значению она, видимо, уступала трем основным скифским городам-крепостям, поскольку Стефан в соответствии с его древним источником называет Напит греческим словом КОМИ (поселение, деревня), которая, вероятно, лишь ко времени херсонесской надписи была превращена в крепость. Диофант сражался против главных сил скифов; отвоевание же Калос Лимена завершил отряд херсонесских войск, о чем повествует отдельный декрет. Теперь можно полагать, что выступление против Напита было также организовано силами Херсонеса и потому не входило в перечень заслуг Диофанта. В итоге картина борьбы оказалась более сложной, а роль херсонесских войск, несмотря на обращение за помощью к иноземному правителю, — более значительной, фронт борьбы — шире.

Три разбросанных по городищу памятника, выполненных рукой одного мастера, видимо, составляли некогда единый ансамбль, в центре которого стоял мраморный постамент с бронзовой статуей Диофанта в полном вооружении (как указано в надписи), а по бокам — каменные плиты с декретами в честь взятия Калос Лимена и Напита силами херсонесских войск. Они были установлены на акрополе подле алтаря Девы, считавшейся главной богиней, покровительницей города и вдохновительницей его побед.

Но этим не исчерпывается значение новой надписи. Историческая достоверность названия Напит позволяет с большим доверием отнестись и к этнониму напитки, а следовательно, и к варианту легенды о происхождении скифов, изложенному Диодором я не похожему на рассказы Геродота. По Диодору, братья Пал и Нэп дали название скифским племенам — палам и налам. Очевидно, легенда содержит историческое зерно, поскольку о напитках упоминает Стефан Византийский в связи с названием Напит, а палов можно таким же образом сопоставить с названием скифской крепости Палакий и сходным именем одного из скифских царей.

Поскольку речь идет о скифской крепости, назовем также несколько греческих надписей, найденных в Неаполе, столице позднескифского государства, подвергшемся сильной эллинизации. Шесть из них были обнаружены еще до революции и вошли в «Корпус» В. В. Латышева (№668—673), три — при раскопках тавро-скифской

экспедиции под руководством П. Н. Шульца, начатых вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Среди первых случайных находок 1827 г. оказались две плиты: одна — с именем скифского царя Скилура, другая — с рельефным изображением двух мужских фигур. Ознакомившись с этими памятниками и сопоставив их с группой монет из Ольвии (с именем и изображением Скилура), И. Бларамберг пришел к выводу, (1827), что древний город Неаполь находился на окраине нынешнего Симферополя.

В наше время эпиграфисты не ограничиваются чтением надписи; они изучают ее в тесной связи со всем памятником, а если возможно,— в комплексе с другими археологическими находками. Имя царя Скилура вырезано на узкой боковой стороне плиты, а на верхней плоскости расположено пять воронкообразных углублений, явно предназначенных для крепления какой-то статуи. Судя по характеру углублений и содержанию надписи, на этом постаменте, вероятно, стояла бронзовая конная статуя Скилура.

Несколько надписей II в. до н. э. представляют собой посвящения грека Посидея, сына Посидея, различным богам: Зевсу Атабирию, Афине Линдии и Ахиллу. Они вырезаны на мраморных постаментах, которые некогда украшали статуи этих богов. Эпитеты при именах Зевса и Афины и находка в 1958 г. постамента с посвящением того же Посидея богине по имени Родос (покровительнице одноименного греческого города) свидетельствуют об его тесных связях с Родосом.

Посидей, видимо, был богатым ольвийским купцом, поселившимся в Неаполе и возившим товары из Греции в Ольвию и Неаполь. А в одной из неапольских надписей говорится о его победе над племенами сатархеев, которые занимались пиратством и мешали морской торговле. Выше уже рассказывалось о надписи Евмена на памятнике, поставленном в Неаполе в честь богини земледелия и плодородия Деметры. Возможно, его соорудил другой греческий купец, занимавшийся хлебной торговлей.

Обилие родосских амфор и других привозных изделий, а также большая группа зерновых ям, открытых при раскопках Неаполя (видимо, там было государственное зернохранилище), целиком соответствуют выводам, сделанным на основе надписей.

Перечисленные памятники дополняют наши представления о жителях и облике скифской столицы, украшенной рельефами и статуями. Верхушка скифского общества, вероятно, заимствовала у греков их письменность, без которой невозможно было поддерживать политические и торговые связи с соседними государствами. Иначе вряд ли могла появиться греческая надпись под статуей царя Скилура.

ПО СЛУЖЕБНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

В средневековом городе, построенном непосредственно на развалинах античного Херсонеса, безжалостно уничтожали старые памятники, используя камень в качестве строительного материала. Поэтому части одной и той же надписи часто находят в разных концах городища и не всегда сразу догадываются их соединить (подобный пример мы уже приводили). Только после многократного и всестороннего осмотра отдельных надписей, когда их шрифт запечатлевается в памяти, как почерк знакомых людей, можно из трех и даже четырех отдельных фрагментов сложить плиту с надписью, воссоздав погубленный некогда памятник. Это вселяет надежду, что новые раскопки принесут недостающие части многих эпиграфических памятников.

Расскажу об одной надписи, части которой были найдены в разные годы и изданы как четыре отдельных декрета римского времени. Это был список лиц, скрепивших своими печатями какой-то документ. Такие списки в первые века новой эры стали помещать в конце декретов.

При сравнении двух целых декретов и еще нескольких, сложенных из отдельных кусков, были сделаны некоторые наблюдения и выводы.

Отличительной особенностью списков является их деление на три неравных ряда, обозначенных греческими буквами А, В, Г. В декрете, относящемся приблизительно к 120 г. н. э., такого деления еще нет, а в других датированных надписях ок. 130 г. — уже есть. Положив рядом два целых списка за 129—130 и 130—131 гг., замечаем, что половина поименованных в них лиц повторяется, причем все они занимают места в первых двух рядах. Больше того, в более поздней надписи внутри ряда каждое имя сдвинуто вверх на одно или несколько мест. Что это, случайность или закономерность? Здесь нам помогают декреты, составленные из частей, в которых, оказывается, налицо такая же картина. Тогда что же это, как не отражение ступенек служебной карьеры (*cursus honorum*), по которым поднимались отдельные лица: от скромных должностей архонтов (старейшин), номофилаков (стражей закона) и продиков, записанных в третьем ряду, до главы государства, первого архонта, в начале первого ряда? Так, имя Теагена, сына Диогена, встречается в трех надписях II в. н. э. Сначала он занимал невысокую должность агорамона (наблюдателя за порядком на рыночной площади), но был, видимо, достаточно богат, построив на свои средства рыбный рынок; вскоре его избирают архонтом (состоятельные люди продвигались быстрее) и помещают в третий ряд списка, а через несколько лет — в первый ряд.

В первые века новой эры власть в Херсонесе сосредоточилась в руках небольшой кучки знатных и богатых граждан, ориентированных на Римскую империю.

Первое место среди них занимали семьи Флавиев, получившие права римского гражданства. Еще В. В. Латышев составил по надписям родословную херсонесских Флавиев, которую сейчас можно дополнить новыми именами. Из декрета в декрет растет в списках число лиц, имеющих римские имена: Петроний Марейн, Люций Антоний Руф, Гай Юлий Эмилиан и др.

Аристократизация государственного строя привела к постепенному отмиранию демократических институтов и повышению роли первого архонта (которого стали повторно избирать на эту должность) и секретаря Совета. Коллегия номофилаков, видимо, утратила былое значение высшего контрольного органа. Если в эллинистический период их имена ставили в начале декретов, то в первые века новой эры — в третьем ряду списков. То же можно сказать о других коллегиях и магистратах. В целом громоздкие списки в декретах Херсонеса напоминают списки членов Сената в подвластных Риму городах, которые составлялись по указанию высшего магистрата города со строгим соблюдением должностей, рангов и титулов.

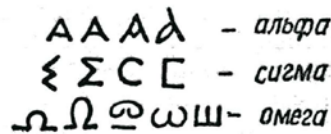
Есть основания полагать, что архонтов и секретаря Совета стали избирать не по жребию (верному признаку античной демократии, как указывал еще Аристотель), но открытым голосованием, а первого архонта — преимущественно из элиты, входившей в первый ряд списков. Роль народного собрания свелась к формальному утверждению принятых решений. В целом же изучение списков позволило проследить за организацией и изменениями государственного строя.

Рим стремился ликвидировать демократический строй в греческих городах, прибегая к методам, испытанным в подвластных ему провинциях. В городах Боспора, также находившихся под влиянием Рима, наряду со статуями царей появляются статуи римских императоров с верноподданическими надписями местных правителей. Так, при внучке Митридата VI Динамии возводят статую Августа, при Котисе — Нерона, при Тиберии Юлии Савромате — Марка Аврелия [7]. Одновременно начинают чеканить новый тип боспорских монет с изображением на одной стороне боспорского царя, а на другой — римского императора.

Во многих боспорских надписях указаны дата или имя правителя, в херсонесских декретах — год, месяц и день принятого постановления, но подавляющее большинство из них фрагментировано и потому не имеют даты. Соблюдение определенной иерархии в херсонесских списках дает возможность составить относительную хронологию декретов,

а сопоставление шрифта этих надписей с датированными декретами — уточнить до десятилетий их абсолютную датировку.

Для большей наглядности остановимся кратко на вопросах палеографии, т. е. формах древнего письма. На протяжении веков шрифт греческих надписей претерпел значительные изменения. Менялись формы и пропорции букв, прямые линии становились выгнутыми, на их концах появлялись различные украшения в форме штрихов и утолщений; на камень начали переносить с папируса формы беглого курсивного письма. Менялись и инструменты резчика: в первые века новой эры вместо округлого использовали остроугольный резец. Рассмотрим для примера развитие форм нескольких букв:

Палеограф составляет шрифтовые таблицы по датированным надписям, прослеживает по ним этапы письма с их локальными особенностями в отдельных регионах античного мира и использует их для установления примерной хронологии новых находок. Шрифтовые таблицы надписей Боспора и Ольвии были составлены Т. Н. Книпович и А. И. Болтуновой.

Шрифт надписей в какой-то мере подчинялся общему стилю античного искусства: строгие линии и пропорции классического периода, черты «барокко» — в эпоху эллинизма, эклектизм и декоративность — в римское время.

Огромный разбой в шрифте надписей первых веков новой эры чрезвычайно усложняет использование палеографии для их датировки. Поэтому многие из них просто относят к «римскому времени». На основе же рассмотренных списков мы получаем возможность значительно сузить хронологические рамки при датировке некоторых херсонесских надписей.

Кроме постановлений Совета и Народа, среди памятников официального характера можно назвать почетные надписи на мраморных плитах и постаментах статуй, договоры о взаимопомощи с другими государствами, рескрипты (приказы) римских императоров и наместников провинций. Так, из надписи на постаменте статуи Агасикла III в. до н. э. («Корпус», № 418) мы узнаем о его весьма разнообразной деятельности: размежевании виноградников на равнине (на территории Гераклеяского полуострова или северо-западного Крыма), сооружении оборонительных стен, постройке рынка и др.; из надписи Аристана II в. н. э. («Корпус», № 423) — о посольствах к боспорскому царю Ремиталку и римскому императору для получения политических свобод для Херсонеса.

Некоторые почетные декреты приняты в честь иностранцев за особые заслуги перед городом. Среди них прежде всего следует назвать декреты в честь Диофанта, посла Митридата VI Евпатора и послов Гераклеи, ездивших в Рим хлопотать по поводу Херсонеса. Сохранились также базы статуй наместников Мезии Веспасиана и Домициана («Корпус», № 421, 422). Наконец, особняком стоит документ международного права, представляющий собой договор 179 г. до н. э. между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком — дедом Митридата VI, который обещал соблюдать дружественные отношения и оказывать военную помощь в случае нападения соседних варваров («Корпус», № 402). К этим надписям, прекрасно прочитанным, дополненным и прокомментированным В. В. Латышевым, можно добавить несколько новых интересных находок.

В 1935 г. на самом берегу моря был открыт средневековый христианский храм (базилика) с хорошо сохранившимися мраморными колоннами, которые разделяли его на несколько продольных частей (нефов), и другими архитектурными деталями. Здание было частично восстановлено и стало одним из украшений северного района Херсонеса. Пол среднего нефа был выстлан большими мраморными плитами. Когда их перевернули,

то обнаружили, что это части саркофагов и других памятников с рельефными изображениями и надписями II— III в. н. э. В 1956 г. во время реставрационных работ, когда сняли одну из колонн, на нижней стороне ее базы неожиданно обнаружили прекрасно вырезанную крупными буквами греческую надпись. Это один из случаев вторичного использования античного памятника при строительстве средневекового города. Постамент от древней статуи случайно или намеренно был перевернут средневековым мастером надписью вниз и превращен в базу для колонны.

Надпись, датируемая по палеографическим особенностям концом II в. н. э., гласит: «Город Тий (поставил статую) такого-то, сына Папия (начало с именем отбито), верховного жреца и друга отечества, своего проксена (т. е. гостеприимца), чести ради».

Этот небольшой текст содержит важную новую информацию. Впервые в надписях Херсонеса упоминается город Тий, расположенный на южном берегу Черного моря, недалеко от метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской. До этой находки были известны связи Тия лишь с Ольвией и Боспором. В первые века новой эры после некоторого застоя оживились торговые отношения между греческими городами Северного и Южного Причерноморья. В Херсонесе также появляется группа декретов о проксениях в честь жителей Гераклеи Понтийской, Амастрии и Синопы. Поскольку сын Папия в новой надписи назван проксеном Тия, можно заключить, что существовал не дошедший до нас тийский декрет о предоставлении ему проксении со всеми соответствующими привилегиями и правами. Будучи проксеном, он покровительствовал приезжавшим из Тия купцам и другим лицам и сам мог рассчитывать на помощь и гостеприимство в Тие.

Но откуда же тийская надпись оказалась в Херсонесе? Ведь до сих пор херсонесские декреты о предоставлении проксении жителям других городов мы находили в самом Херсонесе. Дело в том, что проксенические и почетные надписи в честь иноземцев иногда ставили не только в своем городе, но и на родине проксена, чтобы граждане знали о заслугах своего соотечественника. Подобный памятник, видимо, и был воздвигнут в Херсонесе тийцами.

Как видно из надписи, сын Папия пользовался большим почетом в своем родном городе Херсонесе (ему присвоили титул друга отечества) и занимал весьма высокую должность верховного жреца, которая была введена сначала эллинистическими монархами, а затем — римскими императорами. В специальных храмах жрецы выполняли торжественные религиозные церемонии, связанные с обожествлением и культом этих правителей. Существование такого культа в Херсонесе в конце II в. н. э. свидетельствует о значительном римском влиянии на город, которое прослеживается и в области политических и финансово-экономических отношений.

В почетной надписи, красиво вырезанной на мраморной плите («Корпус», № 590), удалось дополнить имя императора Требониана Галла и его сына-соправителя Волузиана (251—253 гг.). До воцарения Требониан Галл был наместником Мезии, которой подчинялся Херсонес. Он заключил мир с готами и принял ряд мер по укреплению границ в связи с возможностью их нового вторжения. Вероятно, он оказал какую-то помощь и Херсонесу, поставившему в благодарность плиту с памятной надписью (рис. 6).

В двух латинских надписях названы имена римских императоров IV в. н. э.— Максентия и Константина (предположительно можно дополнить также имена их соправителей— Валерия и Лициния). Это подтверждает связи Херсонеса с Римом в IV в. н. э. При императоре Константине город оказывал ему военную помощь в борьбе с варварами на Дунае, а император направил в Херсонес христианских миссионеров.

Римские императоры и их наместники в провинциях облекали свои приказы и распоряжения, посылаемые в подвластные города, в форму писем-рескриптов. Поэтому они неизменно начинались словами: «такой-то император властям, Совету и Народу города желает здравствовать». Вслед за любезным обращением зачастую шли отнюдь не столь приятные требования о содержании римских гарнизонов, поставках, податях.

Еще в 1891 г. в Херсонесе была найдена почти целая мраморная плита метровой высоты, на которой по-гречески и по-латыни вырезаны шесть документов — переписка города с легатом Нижней Мезии по поводу сбора податей и их дележа между римским гарнизоном и херсонесской казной («Корпус», № 404).

Просматривая фонды музея, мы натолкнулись на материалы, поступившие некогда из частной коллекции. В основном они состояли из первобытных кремневых орудий и как будто не сулили новых эпиграфических находок. Однако «раскопки» оказались небезуспешными, и на свет была извлечена тонкая мраморная плита, разбитая на шесть кусков.

Никаких сведений о месте и времени находки не сохранилось, а ее происхождение из частной коллекции не давало права утверждать, что она относится к Херсонесу (известно, что коллекционеры делают покупки в разных городах страны и даже за рубежом). Текст надписи тоже не давал ответа на этот вопрос.

Что же делать в такой необычной ситуации? Но наука требует изучать и публиковать любой фрагмент, поскольку в дальнейшем он может самым неожиданным образом открыть свою тайну. Камень был описан; лицевая сторона его отполирована, обратная, шероховатая с ямками, осталась необработанной. Узкие угловатые буквы с украшениями на концах характерны для рубежа II—III в. н. э. В первой строке читаются слова: «Совет и Народ», во второй — «римляне». Похоже на обычное начало декрета, но в следующих строках насторожило дважды повторяющееся в разных падежах местоимение «вы». После размышлений и поисков аналогий пришли к заключению, что это обломок письма. Из плохо сохранившегося конца надписи можно понять, что речь идет о предоставлении кому-то (римлянам?) средств. Но главные вопросы — кто и кому писал этот рескрипт — оставались без ответа.

Работу пришлось на время отложить. Позже, при изучении других надписей, попался на глаза маленький обломок плиты из находок в Херсонесе за 1912 г. со знакомым шрифтом («Корпус», № 399), Сличение плит и «почерка» показали их полную идентичность, т. е. принадлежность одному памятнику. Можно ли было мечтать о более убедительном аргументе в пользу херсонесского происхождения нашего рескрипта? Фрагмент тоже содержал часть формулы «Совет и Народ» и потому мог быть принят за декрет. Теперь стало ясно, что он представляет собой начало другого рескрипта, вырезанного на той же плите. В одной из строк, видимо, вновь говорилось о государственной казне, а в самом начале надписи удалось дополнить имя римского императора Коммода.

Перед нами был важный документ о вмешательстве Рима в финансовые дела Херсонеса. Остается надеяться на новые раскопки, которые восполнят недостающие части плиты, позволив глубже раскрыть содержание надписи.

Новый экономический подъем Херсонеса в первые века новой эры, прослеживаемый на археологическом материале, находит отражение и в разных категориях надписей. Серия проксенических декретов свидетельствует о широких торговых связях, особенно с городами Южного Причерноморья, надписи на общественных зданиях, стенах и башнях — о значительной строительной деятельности, в частности, об укреплении оборонительных сооружений и даже постройке специального рыбного рынка.

Некоторые фрагменты декретов, сложившиеся с изданными еще до революции, были найдены совершенно случайно, а некоторые даже при курьезных обстоятельствах. Как-то в Херсонес приехал на день один геолог, интересовавшийся местными породами камня. Рассматривая кладку древних стен, он увидел вымытый дождем кусок мрамора с остатками надписи и доставил его в лапидарий. В другой раз «находчиком» оказалась собака. Подойдя утром к будке, хозяин обнаружил вырытую ею ямку, из которой торчал кусок мрамора. «Собачьи раскопки» дали плиту размером 17х24 см с остатками восьми строк неизвестного ранее декрета о проксении.

ТЕАТР, СТАДИОН, ГИМНАСИЙ

Театр — одно из величайших созданий античной эпохи, которое живет и развивается уже 25 веков. В дни Великих Дионисий в Афинах праздновали весеннее возрождение природы. Торжественные церемонии в честь бога вина и веселья Диониса сменялись театральными представлениями. Здание театра должно было вмещать все свободное население города и прилежащих деревень и потому строилось на открытом воздухе с уходящими вверх рядами наподобие современного стадиона или цирка. Используя гористый рельеф местности, древние зодчие стремились к тому, чтобы горы, купы деревьев и бесконечный простор моря служили естественной декорацией.

Театры сооружали во всех крупных античных центрах, но многие из них еще не обнаружены, в том числе и на юге нашей страны.

В трех надписях из Ольвии — декрете в честь Кал-линика IV в. до н. э. и двух надписях III в. до н. э., найденных сравнительно недавно при раскопках агоры (центральной городской площади), упоминается о провозглашении этих почетных декретов на празднике Дионисий в помещении театра; о существовании театров в городах Боспора сообщает в «Военных хитростях» Полиен (II в. н. э.). По его рассказу, полководец IV в. до н. э. Мемнон, желая выяснить количество жителей в отдельных городах, отправил на Боспор посла вместе с известным музыкантом Аристиком. Во время его выступлений посол должен был примерно определить число собравшихся слушателей.

Надписи Херсонеса молчали о театре, но неожиданно он сам предстал перед нами. Честь открытия первого античного театра на территории нашей страны принадлежит научному сотруднику Отдела археологии Крыма АН УССР О. И. Домбровскому. Как же это произошло?

В конце XIX в. К. К. Косцюшко-Валюжинич проводил на юго-восточном участке Херсонеса раскопки средневекового храма, получившего в литературе название «храма с ковчегом». Когда он вскрыл внутри храма могилы, монастырское начальство (на территории Херсонеса тогда находился монастырь) не позволило тревожить «святые мощи», объявив это кощунством. Работы были прекращены и возобновились лишь много лет спустя.

В 50-х годах нашего века среди медиевистов (специалистов по истории средних веков) возникли споры по поводу датировки средневековых базилик Херсонеса. Поэтому О. И. Домбровский решил доследовать храм с ковчегом и прилегающую к нему территорию. В 1954 г. он и обнаружил под храмом несколько каменных скамеек и ступеньки лестницы между секторами, в которых сразу узнал остатки античного театра. Предстояло, не разрушая храма, раскрыть уникальный памятник и реконструировать его архитектурный облик (рис. 7).

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ НЕМЕСИДЫ

Летом 1957 г. во время раскопок херсонесского театра был вынут из земли целый алтарь из местного известняка с девятистрочной латинской надписью. Верхние строки были сильно повреждены, остальные слабо проступали на еще сыром от земли камне, многие слова были даны в сокращении (рис. 8). Но все же основное содержание надписи удалось установить довольно быстро — это было посвящение римского легионера греческой богине Немесиде. В дальнейшем предстояло понять каждую деталь и выяснить, когда и почему она появилась в херсонесском театре.

Латинский шрифт в отличие от греческого знаком каждому, изучавшему в школе один из иностранных языков. Поэтому интереснее будет сначала привести подлинный текст надписи на камне, а затем дать его с расшифровкой излюбленных римлянами сокращений и дополнением утраченных букв. Поясню лишь, что раскрытые сокращения

принято заключать в круглые скобки, восстановленные буквы — в квадратные, ошибочно вырезанные — в угловые, а под буквами, сохранившимися частично,— ставить точки. Некоторые слова разделены значками, но кое-где они поставлены и внутри слов:

D-NEMES[.]o
 NSERVATRICI
 T-FL-CELSI
 NVS [.] COS
 LEGXICL[.]
 ROSALV-TE
 SV-A-ET-FIL
 I-OR-VMI-
 VOT-POS-
 D(eae) Nemesfi C]o-
 nservatrici
 T(itus) Fl(avius) Celsi-
 nus [b(ene)f (iciarius)] co(n)s(ularia)
 leg(ionis) XI Cl(audiae) [p]-
 ro salute
 sua et fil-
 iorum<i>>
 vot(um) pos(uit).

Перевод: «Богине Немесиде Хранительнице Тит Флавий Цельсии, бенефициарий консуляра (или легата) от XI Клавдиева легиона за здоровье свое и детей поставил по обету».

Как видим, на девять коротких строк приходится девять сокращений (аббревиаций). На некоторых буквах заметны следы красной краски. Благодаря прокрашиванию надписи становились более отчетливыми и удобными для чтения. На алтаре высотой 67 см опытный резчик умело разместил текст (видимо, по предварительной разметке) и вырезал его красивыми четкими буквами, которые можно датировать концом II — началом III в. н. э.

Алтарь — памятник культового характера. Поэтому на его верхней площадке вырезано небольшое чашеобразное углубление, служившее для жертвоприношений или воскурений. Имя богини Немесиды до этой находки ни разу не встречалось в надписях Северного Причерноморья, хотя в римский период было широко распространено в Египте и Сирии, Малой Азии и Фракии, а также в западных провинциях империи — Мезии, Дакии, Паннонии и др.

В греческом пантеоне было несметное количество богов, выполнявших определенные функции. Кризис античной религии выразился, в частности, в таком явлении, как слияние различных культов, в том числе и восточных (синкретизм). В классической Греции (у Геродота, Софокла и Еврипида) Немесида считалась богиней возмездия, карающей за высокомерие, надменность и гордость; позже она слилась с целым рядом греческих, восточных и римских богинь: греческими богинями судьбы и победы Тюхе и Никой, малоазийской Кибелой – покровительницей дикой природы, египетской Исидой, римскими Дианой и Фортунной. Отсюда и новые функции Немесиды, теперь уже богини справедливой судьбы во всяком агоне (т.е. борьбе, состязании), под которым древние понимали и кровавую схватку с врагом на войне, и встречу на спортивном поле или подмостках театра. Алтари и статуи Немесиды, любимой богини актеров и атлетов, гладиаторов и солдат, ставили у входа в театры и на стадионы, в военных лагерях и на римских дорожных постах. В качестве примера достаточно назвать стадион в Олимпии, театр Диониса в Афинах, амфитеатры в Аквинке и Карнунте и стоянки легионеров в Мезии, Дакии и Паннонии.

Теперь становится понятно, почему римский легионер посвятил херсонесский алтарь Немесиде и поставил его в театре. Более того, римские солдаты, вероятно, принимали участие в выявленной раскопками перестройке театра, благодаря которой он был расширен и приспособлен для новых зрелищ — гладиаторских боев и, возможно, травли диких зверей. Подобные перестройки театров для цирковых представлений и гладиаторских боев отмечены во многих городах, в том числе в Афинах, Милете, Приеме, Эфесе и Пергаме.

По сохранившимся углублениям от стояков можно заключить, что для безопасности зрителей натягивали специальные сетки. О гладиаторских боях в Херсонесе красноречиво свидетельствует одна старая находка, которая получила новое осмысление после открытия театра. Это мраморная плита с надписью («Корпус», № 483) и рельефным изображением заключительного момента борьбы (рис. 9). Если сравнить ее с многочисленными изображениями гладиаторов, собранными Л. Робером, и с новым памятником из Варны (фриз с рельефом и надписью), можно заключить, что это часть фриза с многофигурной композицией и именами победителей (сохранилось одно из них — Ксанф).

В надписи на алтаре назван XI Клавдиев легион, отряды которого были отправлены в Херсонес из провинции Мезии на Дунае и входили в римский гарнизон вместе с частями I Итальянского, V Македонского легионов и вспомогательными когортами. Херсонес был центром пребывания римлян в Крыму: там проживал военный трибун, находилась военная канцелярия и стояла римская эскадра. Надпись на камне из Африки, где закончил свои дни некий Тиберий Плавтий Феррунтиян, свидетельствует о том, что он служил на Черном море в качестве военного трибуна. Следовательно, он жил в Херсонесе, причем, судя по тексту, вероятно, командовал не только сухопутными отрядами, но и флотом у берегов Скифии и Таврики [8].

Тит Флавий Цельсии был не рядовым солдатом, а бенефициарием (от лат. *beneficium* — благодеяние). Так называли категорию привилегированных римских солдат, освобожденных от караулов, земляных работ и фуражировки. Бенефициарии были первоначально ординарцами наместников провинций, а во II—III вв. н.э. возглавляли особые военные посты внутри и вне лагерей, созданные на всей территории Римской империи. При организации провинций римляне в первую очередь стремились наладить коммуникации и строили силами солдат удобные дороги для переброски частей, снаряжения и продовольствия между отдельными стоянками войск. Внутри лагерей посты бенефициариев служили военными канцеляриями, вне их, на перекрестках дорог, они обеспечивали безопасность движения и были связующими пунктами между лагерями. Здесь строили небольшие святилища, чтобы боги охраняли воинов на чужой земле. При археологических исследованиях находки алтарей бенефициариев служат надежными вехами для реконструкции разветвленной сети римских дорог, уничтоженных строительством городов и поселений в последующие века. Из этой надписи археологи впервые узнали о существовании поста бенефициариев и при херсонесской вексилляции римских войск (вексилляция включала части различных легионов и вспомогательных отрядов, стоявших в определенном пункте и подчинявшихся одному командиру).

Вопросом о культуре Немесиды, постах бенефициариев и связи алтаря с театром, казалось, была исчерпана интересная новая информация, полученная при изучении этого памятника. Однако внимание привлекла одна старая находка. Еще в 1907 г. на мысе Ай-Тодор близ Ялты у стен римской крепости Харакс, где когда-то была небольшая стоянка легионеров, нашли три алтаря, поставленные бенефициариями в честь главного бога римского государства и войска Юпитера. На одном из них оказалось уже знакомое имя посвяtitеля — Тит Флавий Цельсии («Корпус», № 675). Возможно ли случайное совпадение имен? Сравниваю алтари. Внешне они похожи друг на друга, как родные братья. Те же очертания и пропорции с узким корпусом, расширяющимся вверху и внизу (другие два алтаря из Харакса отличаются от них), близкие размеры и порода камня —

пористый известняк. Из такого местного известняка сарматского яруса в Херсонесе вырезано много архитектурных деталей, надгробных плит и других поделок. Но в районе Южного берега Крыма он не встречается, поскольку здесь распространены мелкозернистые мраморовидные известняки юрского яруса. Следовательно, алтарь из Харакса был, скорее всего, изготовлен в Херсонесе. Это существенная деталь, но главное должны дать надписи. Текст их (за исключением имен богов) полностью совпадает, а характер шрифта выдает руку одного мастера.

Итак, есть достаточно оснований считать, что Тит Флавий Цельсий за время службы в XI Клавдиевом легионе возглавлял посты бенефициариев в Херсонесе и Хараксе.

Корабли Мезийского Флавиева флота и Равеннской эскадры обеспечивали морские коммуникации между Херсонесом и Хараксом, но выявленные в обоих пунктах посты дорожной стражи убеждали в том, что их соединяла также проложенная римлянами сухопутная дорога. Давно были открыты следы дороги около Харакса, а небольшие разведки, проведенные в 1958 и 1966 гг., наметили ее маршрут (от Херсонеса через Байдарскую долину, Тарпан-Баирский перевал, Ат-Баш к Хараксу), совпадающий со старой Балаклавской дорогой. В районе дороги возможны находки новых поселений римского времени, которые еще ждут своих исследователей.

Алтарь бенефициария из раскопок театра занял достойное место в экспозиции Херсонесского музея, а несколько лет тому назад он вместе с экспонатами из Эрмитажа и других музеев побывал на выставках в нескольких странах Западной Европы.

В 1964 г. были возобновлены раскопки херсонесского театра. И буквально в двух шагах от того места, где в 1957 г. обнаружили алтарь бенефициария, нашли маленький мраморный алтарь с греческой надписью. Несмотря на миниатюрные размеры (высота 19,5 см), он тщательно обработан, украшен профилированной базой и карнизом с акротериями (скульптурные угловые украшения). Прямоугольное углубление сверху со следами горения свидетельствует о том, что его использовали для воскурений. Шрифт и язык надписи позволили датировать его примерно второй половиной II в. н. э.—временем, близким к установке в театре первого алтаря. Еще больше сближает их содержание надписей: алтарик был посвящен неким греком Басилидом той же богине — Немесиде (рис. 10).

Находка в театре двух алтарей Немесиды (с греческой и латинской надписями) заставила задуматься. Вероятнее всего, к театру было пристроено специальное святилище этой богини — Немесейон, как в Аквинке, Карнунте и других античных городах. Эта небольшая постройка не сохранилась, но при дальнейших раскопках на том же участке нашли обломки алтариков и votивные (посвятительные) плитки: одну — с изображением какого-то из спутников Диониса, вторую — с остатками посвятительной надписи. Теперь намечалось уже два возможных пути проникновения культа Немесиды в Херсонес: или из греческих городов Малой Азии (особенно Гераклеи и Синопы), с которыми город продолжал поддерживать тесные торговые и культурные связи, или из Фракии и Мезии вместе с римскими легионерами.

По мере раскопок возрастал интерес к театру. Необходимо было уточнить время его сооружения и разрушения, установить связь с соседними общественными сооружениями и, наконец, самое трудное — представить себе, какие зрелища происходили на его сцене. В 1903 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич продолжал раскопки северо-западнее храма с ковчегом и на месте современного античного отдела Херсонесского музея. Кроме находок позднего времени, богатый культурный слой дал памятники эллинистического и римского периодов, т. е. времени существования театра. Поэтому следовало уточнить по сохранившимся отчетам, архивным материалам и чертежам, какие надписи были найдены в этом районе и не содержат ли они каких-либо сведений по интересующим нас вопросам. Ведь в старых изданиях редко давали археологический контекст, ограничиваясь общим указанием места находки надписи.

Кроме того, некоторые из этих фрагментов могли по-новому раскрыться в «театральном свете».

В результате проделанной работы удалось выявить несколько надписей. Начнем их краткую характеристику с фрагмента сильно поврежденной мраморной плиты первых веков новой эры, блестяще дополненной В. В. Латышевым («Корпус», № 433). Это — мусический каталог, в котором перечислены литературно-музыкальные состязания авторов комедий, энкомиев (хвалебных гимнов) и эпиграмм, а также глашатаев и трубачей. Имена победителей почти не сохранились. В первой строке удалось рассмотреть начало одного слова, обозначающего игру на флейте или кифаре под аккомпанемент хора. Место находки и аналогии ведут к очевидному выводу, что эти состязания, свидетельствующие о высоком уровне культуры города, проводились в помещении театра. Ведь специальные здания для музицирования (одеоны) строили только в самых крупных городах. Список победителей, на этих состязаниях, вероятно, был выставлен у входа в театр.

Итак, надписи и рельефы свидетельствуют о том, что в театре римского периода, кроме обычных представлений, проходили различные состязания и бои гладиаторов.

В греческом городе Фере, где театр был единственным общественным сооружением, его использовали также для заседаний Совета. Так могло быть и в Херсонесе, поскольку до сих пор не обнаружено здание Совета (булеверий).

Другой памятник, обративший на себя внимание, относится к эллинистическому времени, скорее всего к середине III в. до н. э. Это небольшой фрагмент плиты из проконнеского мрамора с остатками рельефа и надписи («Корпус», № 506). По архивным отчетам К. К. Косцюшко-Валюжинича удалось выяснить, что фрагмент найден в 1903 г. около храма с ковчегом (рис. 11). Грубо обтесанная и скругленная верхняя и тыльная стороны плиты, сильно выступающий карниз, в который упирается голова женской фигуры, а также очень мелкая однострочная надпись около нее, — все это дает возможность видеть в этом памятнике часть многофигурной композиции какого-то фриза.

Особенно характерна надпись, первоначально понятая как имя погребенной. Но на женских надгробиях к имени умершей обязательно добавляли имя ее отца или мужа, а на плите оно отсутствует. С другой стороны, при изображении мифологических сцен на мраморных рельефах и мозаиках, расписных вазах и тканях нередко около фигур богов и героев писали их имена. Даже на золотых сосудах III в. до н. э., найденных в Болгарии в 1949 г., возле изображений Афины, Афродиты и других богов точечным пунктиром выведены их имена. Подобная пояснительная надпись была и на исследуемой плите. Она содержала имя богини Гармонии, тесно связанной с музыкой и танцами. Поэты и художники часто изображали ее вместе с музами и харитами, Дионисом и Аполлоном и особенно любили миф о свадьбе Гармонии, на которую все боги явились с богатыми дарами.

Без находки других частей невозможно восстановить сцену на фризе из Херсонеса, но в повороте головы и опущенном правом плече богини угадывается сильное движение, быть может, танец. Отношение фриза к театру очевидно, следовательно, он может также служить некоторой опорой для его датировки. Раскопки слоев, предшествующих театру, дали материал IV — начала III в. до н. э., а фриз с именем Гармонии, когда театр, видимо, уже существовал, относится к середине III в. до н. э. Обе датировки — археологическая и эпиграфическая — совпадают, дополняя друг друга и уточняя время сооружения театра.

Во второй половине III в. до н. э. местный историк Сирик публично читал свое сочинение на празднике Дионисий и был награжден золотым венком («Корпус», № 344). Теперь есть основание полагать, что это событие происходило в помещении театра.

Хочется еще раз подчеркнуть, как важно изучать надпись не изолированно, а в тесной и неразрывной связи с памятником, на котором она вырезана, и с учетом места его находки, особенно, если он обнаружен *in situ*, т. е. на том месте, где находился в

древности. Рассмотренные примеры наглядно иллюстрируют преимущества такого подхода в работе эпитафистов.

СПОРТ, СПОРТ, СПОРТ

Среди надписей, найденных К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1903 г. около храма с ковчегом (теперь, пожалуй, вернее сказать — возле театра) вместе с мусическим каталогом и фризом, на котором изображена Гармония и написано ее имя, имевшими прямое отношение к театру, были обнаружены надписи первых веков новой эры другого содержания, но тоже агонистические (от греч. *agon* — состязание). Как и алтари Немесиды, все эти памятники находились близко к месту, которое они занимали в древности; они были перекрыты позднейшей застройкой: средневековым храмом и другими сооружениями. Поэтому соседство разнохарактерных агонистических каталогов нельзя считать случайным, но прежде чем высказывать какие-то предположения, обратимся к самим надписям.

На мраморной плите (сохранилась ее левая половина) перечислены имена победителей в пяти разных видах спортивных состязаний: беге на короткую дистанцию, двойном беге и беге на длинную дистанцию, борьбе и кулачном бою. На другом маленьком обломке назван агонотет, т. е. организатор агоний и судья состязаний (оба фрагмента изданы и объяснены в «Корпусе» В. В. Латышева, № 434, 620). Остатки пяти строк на третьем обломке включены в раздел надписей неопределенного содержания («Корпус», № 610). Теперь к нему стоило вернуться. Уточнив некоторые плохо сохранившиеся буквы, удалось дополнить отдельные слова и установить общее содержание надписи. Упоминание пятиборья и, вероятно, должности гимнасиарха, т. е. руководителя гимнасия (общественного сооружения для спортивной подготовки юношей), не только выявляет агонистический характер этого документа, но вносит новую деталь в наши представления о спорте в Херсонесе. Ведь состязания по циклу пятиборья (включавшиеся в Олимпийские игры) требовали всесторонней подготовки атлетов и проводились отнюдь не в каждом греческом городе.

Для любителей истории спорта можно добавить некоторые интересные сведения. На основе надписей установлено, что число пять определяло не только количество видов упражнений. Оно играло особую роль в пятиборье, ибо каждый атлет должен был сделать пять бросков при метании диска и копья, бежать на дистанцию в пять стадий и пр. Победителем считался атлет, который первым добился успеха в трех видах состязаний.

Совместная находка мусического каталога и списков победителей в спортивных играх позволила высказать предположение, что где-то недалеко от театра находился стадион или гимнасий (а возможно, то и другое), образуя, как в других городах, комплекс общественных сооружений. В первые века новой эры в него могли входить и термы (бани), которые обычно строили поблизости.

Гимнасий были во всех античных городах, а должность гимнасиарха считалась весьма почетной и часто выполнялась за собственный счет. Гимнасий обеспечивали не только физическое воспитание молодежи, но и подготовку к местным и общегреческим состязаниям и будущей военной службе. По надписям известно, что в III в. до н. э. гимнасиархом в Херсонесе был известный государственный деятель Агасикл, а во II в. до н. э. — Демотел, который посвятил гимн богу Гермесу, покровителю гимнасиев. Во дворах гимнасиев часто сооружали статуи их основателей и богов-покровителей — Геракла и Гермеса. В Херсонесе найдено несколько скульптурных портретов Геракла (на одном рельефе он изображен вместе с Гермесом). Возможно, одна из статуй украшала гимнасий. Не исключено, что и сами спортивные игры проходили в Херсонесе, по примеру его метрополии, на празднике в честь Геракла — одного из наиболее почитаемых дорийскими греками героев (отсюда название этого праздника — Гераклеи). Проверить высказанные догадки и предположения помогут новые археологические раскопки.

Греки придавали огромное значение физическому развитию человека, но, по словам самих древних, часто оказывали победителям чрезмерные почести. Так, еще философ и поэт Ксенофан (коней VI — начало V в. до н. э.) писал в одной из своих элегий, что «несправедливо ставить физическую силу выше разума и знаний».

Завершаются исследования театра, намечается частичная реконструкция этого уникального памятника с последующим широким показом его посетителям музея. Во многих центрах античного мира театры меньше пострадали от позднейших застроек, а в Афинах, Эпидавре, Сиракузах, Пловдиве и сегодня в древних зданиях даются театральные представления.

Несколько лет тому назад в Херсонесе состоялось выступление самодеятельных артистов. Это были студенты-классики Ленинградского университета, которые приехали на эпиграфическую практику. В конце занятий они пригласили нас на развалины античного театра и выступили на его подлинной сцене с отрывками из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» на древнегреческом языке. Самую большую и трудную роль — Ифигении взял на себя молодой преподаватель, но и это было «в стиле эпохи», ибо женские роли в античном театре исполняли мужчины.

Действие трагедии происходит на земле тавров. В античном Херсонесе, конечно, знали и, возможно, ставили пьесу в театре, где больше чем через две тысячи лет вновь зазвучали прекрасные строки Еврипида. Как при этом не подумать о связи времен и бессмертии человеческого гения!

ЛЮДИ И БОГИ

Древние греки были народом деятельным и энергичным. Они много сделали для развития различных ремесел, торговли, садоводства и виноградарства, расширили представление об окружающем мире, внесли неоценимый вклад в философию, литературу и искусство, заложили основы математики, физики, биологии, медицины, географии, истории и других наук. Одаренные богатой фантазией, они населили мир своих представлений множеством богов, которых рисовали себе в образе людей (антропоморфными) и наделили всеми человеческими качествами: боги любили и ревновали, ссорились и обманывали, радовались и страдали, но были могущественны и бессмертны. Для общения с богами, в ожидании их милостей и в страхе перед божьим гневом, люди строили храмы и святилища, сооружали алтари и статуи, совершали жертвоприношения, торжественные церемонии и даже праздновали дни их рождения. Богов и героев часто считали основателями городов, племен и родов, почитали как покровителей и защитников, поэтому их имена давали не только городам, но и людям (например, Афины, Аполлония, Гераклея и соответственно Афиней, Аполлоний, Гераклий), небесным светилам и календарным месяцам.

В Грецию и Рим проникали также культы других племен и народов из Фракии, Малой Азии, Персии и Египта. Для позднего периода характерно слияние различных богов и их функций (о религиозном синкретизме говорилось выше в связи с культом Немесиды) и стремление к монотеизму (единобожию). В римских провинциях наряду с почитанием официальных богов, особенно капитолийской триады во главе с Юпитером, продолжали поклоняться местным божествам. Культы египетского Сераписа, персидского Митры и других восточных богов привлекали новизной и таинственностью обрядов, обещанием блаженства в потустороннем мире, единобожием.

Лапидарные и керамические надписи вместе с памятниками искусства и нумизматики помогают проследить общие тенденции развития религиозных представлений античного общества и выявить их локальные особенности.

ВРАЧЕВАТЕЛИ

С любопытством детей взирая на окружающий мир, греки задавали себе тысячи «почему», и пока философы вели долгие и мучительные поиски ответа, народная фантазия создавала свое «объяснение» в мифах и сказках. Так, в ответ на вопрос, откуда взялись болезни, которые причиняют страдания, губят людей и животных, был создан миф о Пандоре. За то, что Прометей отдал людям небесный огонь, всемогущий Зевс решил наказать не только его, но и завладевших огнем людей. Для этого Зевс выдал замуж Пандору за брата Прометея Эпиметея и подарил ему сосуд (ящик), запретив его открывать. Пандора из любопытства нарушила запрет, и из сосуда вылетели все беды и болезни (отсюда выражение — ящик Пандоры).

Среди греческих богов была целая семья врачей, которых усердно молили об избавлении от болезней и недугов. Это Аполлон-врач и его сын Асклепий с женой и дочерьми, причем жену звали Эпиона (болеутоляющая), а дочерей — Панакея (или Панацея — всеисцеляющая) и Гигиеня (богиня здоровья; отсюда термин гигиена).

Хотя античная медицина делала еще первые шаги и бессильно отступала перед многими непонятными явлениями, она все же добилась некоторых успехов, особенно в области полевой хирургии и лечении глазных болезней, вплоть до удаления катаракты.

Попадая на чужбину, врачи находили покровительство в храмах Асклепия или Аполлона, а жрецы крупнейших храмов, например храма Асклепия в Эпи-давре, для укрепления авторитета святилища приглашали также врачей, которые лечили больных диетой, ваннами и прогулками. Кроме того, храмы украшали плитами с надписями, повествующими о чудесных исцелениях.

На Боспоре и в Ольвии, как свидетельствуют надписи, почитали Аполлона-врача, а в Херсонесе — Асклепия. Эпиграфические находки последних лет дали новые материалы об античной медицине и культе Асклепия в Херсонесе, которые, пожалуй, заинтересуют не только историков, но и медиков.

При исследовании оборонительных сооружений из стен и башен было вынута много надгробных памятников, некогда взятых жителями с заброшенного участка некрополя, попавшего к тому времени в черту города (по греческому обычаю кладбища размещали за пределами города). В 1969 г. в кладке 20-й куртины (участок оборонительной стены между двумя башнями) обнаружили две расписные стелы из местного сарматского известняка со сходными изображениями, причем одна из них сложилась почти полностью из шести обломков и имеет высоту 115 см (отбит лишь низ), а ширину 36,5 см. Стелу венчает профилированный (резной) карниз с покрашенным орнаментом, в центральной части выполнены силуэтно-красной краской две мужские фигуры, под ними — двухстрочная греческая надпись (она вырезана и тоже обведена краской), под карнизом нарисованы инструменты.

Но прежде всего скажем о надписи, которая поможет датировать памятник и понять содержание росписи. Она оказалась стихотворной, написанной гекзаметром, торжественным размером «Илиады» и «Одиссеи». Усложненный синтаксис, инверсия (перестановка слов), термины из эпического гомеровского языка, необычное имя, повреждения некоторых букв,— все это создавало трудности, которые предстояло преодолеть.

Необходимо было понять, перевести и прокомментировать эту новую, никем не читанную метрическую эпитафию, написанную неизвестным херсонесским поэтом. Чтобы успешно справиться с двумя строками на камне, пришлось основательно проштудировать аналогичные надписи, обнаруженные в разных районах античного мира. В размере подлинника текст звучит так:

Сыну воздвиг своему, усопшему Лесханориду,
Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Евклес.

Никаких прямых указаний на датировку, как и большинство надгробий, стела не содержит, но по форме и пропорциям букв, легким выгибам линий и утолщениям на концах можно уверенно отнести ее к концу IV — началу III в. до н. э. В Херсонесе найдено несколько метрических эпитафий римского времени; новая оказалась, таким образом, самой ранней и выгодно отличается от них хорошим языком, соблюдением размера и ценной информацией.

Роспись и текст взаимно дополняют друг друга. Под карнизом желтой и красной охрой нарисованы в увеличенном по сравнению с человеческими фигурами размере медицинские инструменты - хирургические щипцы, кровососная банка и пинцет. Ниже - сцена осмотра больного или прощания отца с сыном. Художник хорошо передал фигуры юноши и пожилого мужчины, но сколы и повреждения красочного слоя мешают точно определить положение устремленных друг к другу рук.

Судя по надписи, надгробие поставил приезжий врач своему рано скончавшемуся на чужбине сыну. О профессии последнего свидетельствует изображение медицинских инструментов (рельефы и рисунки часто указывают на род занятий погребенного - пахаря, виноградаря, булочника, кузнеца, сапожника и др.) - Следовательно, отец и сын, родом с острова Тенедоса (и эту важную деталь поэт отметил в эпитафии), занимались врачебной

Профессия врача была Греции почетной и часто наследовалась: отец обучал сына своему искусству. Занимались медициной свободные граждане, нередко из богатых и знатных семей, да и работа эта приносила немалое доходы. Об аристократическом происхождении Евклеса свидетельствует его имя, а о достатке - дорогая стела со стихами и росписью. Имя сына (Лесханорид) отсутствует в самых полных словарях, ибо до сих пор оно ни разу не встречалось. Возможно, Евклес уже при рождении сына решил его сделать врачом и дал имя Лесханорид по одному из эпитетов к имени Аполлона, тоже покровителя медицины.

Надпись не только открывает неизвестную страницу античной медицины на юге нашей страны, но является также первым свидетельством о связях Херсонеса с Тенедосом - островом в Эгейском море у берегов Троады, где находилась древняя Троя (ныне принадлежит Турции).

Просмотр надписей Тенедоса не дал каких-либо сведений проливающих свет на стелу Лесханорида. Но может быть выходцев из одноименного острова города нужно искать в других центрах, куда они переселились подобней Евклесу и его сыну? Этот путь поиска оказался весьма плодотворным, и результат превзошел все ожидания. Поискам помог труд В. Пеека, современного немецкого эпиграфиста (ГДР), опубликовавшего все греческие стихотворные надгробные надписи (1960). Сначала по указателю имен и географических названий выяснилось, что только одна надпись из 482 принадлежит тенедосцу, некоему Феду, сыну Дамасагора. Он был «искуснейшим из врачей Эллады» (тоже врач, притом знаменитый), происходил из знатного рода и жил в городе Пафосе на Кипре в начале III в. до н. э. (значит, современник врачей из Херсонеса). Не иначе, как на Тенедосе был неизвестный доселе центр медицины, который, возможно, возродился после упадка книдской и косской школ (последнюю основал Гиппократ), процветавших в V—IV вв. до н. э.

На другой стеле, вынутой из 20-й куртины оборонительных стен Херсонеса, имеется лаконичная надпись: «Дионисий, сын Пантагнота». Она вырезана под карнизом крупными буквами и обведена красной охрой. Сходство в шрифте со стелой Лесханорида определяет ее хронологические рамки: конец IV — начало III в. до н. э. Плохо сохранившийся под надписью рисунок указывает на принадлежность второго надгробия также врачу. Вместо трех здесь можно различить пять медицинских инструментов: кровососную банку, спатолу (лопаточку для нанесения мазей и термоприжиганий), пинцет, хирургические щипцы и, возможно, зонд. Желтая краска, должно быть, передает цвет бронзы, из которой изготовляли инструменты.

Откуда родом Дионисий, сын Пантагнота, остается загадкой. Имя Дионисий встречается повсеместно и потому ничего не дает для выяснения этого вопроса, однако отчество у него редкое и в городах Причерноморья ни разу не зафиксировано. Недавно в специальной работе о греческих именах немецкий ученый Х. Хабиخت (ФРГ) обратил внимание на имена, на протяжении столетий используемые в одном и том же городе, что может служить некоторым критерием для выяснения происхождения их носителей. Среди примеров было приведено имя Пантагнот, встречающееся на монетах и в надписях IV—III вв. до н. э. ионийского города Колофона (недалеко от Эфеса). Эти новые сведения, неиспользованные при публикации херсонесских стел, позволяют хотя бы предположительно назвать родину второго врача.

В итоге история античной медицины пополнилась двумя новыми памятниками эллинистического времени: впервые на стелах из Северного Причерноморья этой эпохи названы врачи и изображены медицинские инструменты [9].

В связи с особым значением уникальных надгробий врачей (как и других полихромных стел и архитектурных фрагментов) возникает необходимость сохранить красочный слой, подверженный быстрому разрушению на воздухе. Этим вопросом успешно занимаются специальные лаборатории по консервации и реставрации древних памятников. Главный враг живописи — соли, которые накапливаются внутри камня во время его пребывания в земле и выходят затем наружу, разрывая краску. Поэтому плиты кладут на долгий срок изображением вниз и обкладывают пульпой — бумажными компрессами, пропитанными дистиллированной водой, в которые уходят поднимающиеся наверх соли. «Лечение» повторяется много раз, пока «больной» камень не выздоровеет. Поверхность с краской очищают от загрязнений, пропитывают специальным составом и покрывают прозрачной пленкой, не пропускающей воздуха. В случае необходимости художники-реставраторы дополняют утраченные части рисунка или орнамента.

Интересно, что во время копирования росписи на стеле Лесханорида были замечены следы краски на местах старых выбоин. Следовательно, члены семьи усопшего или городская администрация долго ухаживали за его могилой, подновляя рисунок на надгробной стеле.

До сих пор речь шла о врачах эллинистической эпохи, но одно херсонесское надгробие с латинской надписью I в. н. э., изданное еще В. В. Латышевым («Корпус», № 562), позволяет коснуться медицины римского времени.

Херсонесу положительно везет на врачей! Теперь там найдено уже три стелы, посвященные врачам, в то время как в других городах Северного Причерноморья — ни одной. Плита с латинской эпитафией поставлена вольноотпущенником Цинцием Эпиктетом своим друзьям и отпущенникам, убитым таврами, один из которых был врачом. Видимо, они прибыли в Крым вместе с римскими legionерами и погибли во время какой-то стычки с соседними таврами. Публий Ведий Трепт, судя по третьему имени, был греческого происхождения, но служил военным врачом в римском войске.

Все отмеченные особенности весьма характерны для первых веков нашей эры. В Риме медициной занимались преимущественно рабы и либертины (вольноотпущенники), часто привезенные из греческих городов или восточных областей, где господствовал греческий язык. Профессия врача оставалась потомственной, и детям давали заранее «медицинские» имена типа Медик или Диет. Разумеется, римляне ценили заслуги таких выдающихся врачей, как Гален и Цельс, много сделавших для развития медицинской науки, но отношение к рядовым медикам сильно изменилось по сравнению с эпохой эллинизма.

Известны надгробия врачей, поставленные за счет благодарных пациентов или государства, где перечисляются достоинства и заслуги умерших. Недавно на острове Косе найдены почетные декреты в честь врачей с изображением поднесенных им венков. Но встречаются и иронические надписи, например: «Я лежу здесь, потому что много обращался к врачам...»

Ценным дополнением к таким надписям могут служить медицинские инструменты и другие предметы, относящиеся к медицине, найденные при раскопках античных городов [10]. Целый набор разнообразных инструментов обнаружен еще в прошлом веке в Помпеях в так называемом доме хирурга (некоторые полагают, что это была мастерская по изготовлению медицинских инструментов); 17 хирургических инструментов вместе с монетами III в. н. э. — в Галлии; несколько экземпляров — на Делосе, в Аквинке и других центрах. Отмечены такие находки и в городах Северного Причерноморья — в Херсонесе, Ольвии, Тиритаке и Хараксе. Некоторые инструменты могли употребляться для различных целей. Поэтому относить их к медицинским можно только по совместным находкам в определенных комплексах. Это ножницы, иглы, стригили, ложки, крючки, лопаточки.

Раскопками разных лет в Херсонесе выявлено довольно много бронзовых медицинских инструментов (не все из них были опознаны) — скальпели, спатолы, зонды, мерные ложки для лекарств и др. К сожалению, отсутствие сведений о местах и условиях находок не позволяет уточнить их датировку. В 1910 г. около Загородного храма в вырубной могиле римского времени среди богатого инвентаря обнаружен круглый бронзовый футляр с набором различных инструментов (хранится в Эрмитаже). Высказывалась мысль, что это принадлежности ваятеля, но такой же футляр с походными хирургическими инструментами из Помпеи и формы некоторых инструментов не исключают и другое предположение.

Со временем истории медицины, вероятно, точнее ответят на этот вопрос.

Врачи сами занимались приготовлением лекарств, ибо специальных аптек тогда, конечно, не существовало. К предметам, связанным с фармакологией, следует отнести мерные ложки (их же использовали при приеме лекарств), каменные ступки с пестиками и дощечки для растирания лекарственных веществ. Маленькая круглая мраморная ступка с четырьмя выступами и сливом была найдена в Херсонесе в 1963 г. с материалом II—III вв. н. э. (обломки таких ступок встречались несколько раз). Ступки аналогичной формы продолжали употреблять в медицине и в средневековое время. Сейчас их можно, например, видеть в специальном музее, созданном во Львове при одной из аптек, где также собраны старинные рукописи и большая научная литература по истории медицины.

Шиферные и мраморные дощечки прямоугольной формы с полированной поверхностью, скошенным краем и следами потертости в центре найдены в Херсонесе в большом количестве. Их назначение надежно засвидетельствовано аналогичными находками в Болгарии и Франции совместно с медицинскими инструментами, хотя это не исключает использования некоторых дощечек для растирания красок и в других целях.

Помимо изготовленных на месте лекарств пользовались и привозными снадобьями. Так, римский ученый Корнелий Цельс (I в. н. э.) называет ликий — ценное лекарство растительного происхождения, которое поступало из Ликии и Индии. Толстостенные стеклянные флаконы с греческим клеймом ЛΥΚΙΟΝ III—II вв. до н. э. были обнаружены на о. Сицилия и в Болгарии, а из городов Северного Причерноморья — в Мирмекии и Херсонесе [11]. Не найдены еще кровососные банки, изображенные на херсонесских стелах и других памятниках, но их подробное описание имеется в сочинении того же Цельса.

Изучение эпиграфических памятников, как лапидарных, так и керамических, дали новый материал и о боге врачевания Асклепии. В 1877 г. в Херсонесе была случайно найдена надпись римского времени (где точно — неизвестно), в которой упоминается храм Асклепия, но открыть его остатки до сих пор не удалось. В бронзе и мраморе, на монетах и *перстнях-печатах* первых веков новой эры изображали этого бога [12]; в 1965 г. извлекли из земли мраморную статуэтку дочери Асклепия — Гигиен, датированную тем же временем. А почти через сто лет после первой нашли еще одну надпись.

В 1971 г. в слое римского времени, между театром и соседним малым храмом обнаружен фрагмент мраморной плитки. Дополняя отдельные слова, надпись после

некоторых усилий удалось прочесть. Оказалось, что это посвящение Асклепию и Гигиее конца II — начала III в. н. э. На другом, совсем маленьком обломке мрамора, вероятно, повторялось имя Гигиен.

Если учесть, что мраморную статуэтку Гигиен нашли недалеко от этих надписей и что в Афинах, Эпидавре и других центрах Асклепиейон (т. е. храм Асклепия) находился около театра, то позволительно высказать предположение, не следует ли искать храм Асклепия в районе херсонесского театра.

Культ Асклепия засвидетельствован надписями и рельефами в Ольвии, на Боспоре, в Истрии, древнем Одессе (на месте нынешней Варны в НРБ) и других городах Причерноморья, а также в Мегарах — прародине херсонесцев.

Во время праздников в храмы приносили сосуды с дарами, на доньшках же имели обыкновение процарапывать имена богов, а иногда и дедикантов (посвятителей). Ниже еще будет идти речь о таких надписях — граффити, а сейчас следует обратить внимание лишь на те из них, которые имеют отношение к культу Асклепия.

На краснолаковой плоскодонной чашке I в. н. э., очень напоминающей по форме сосуд в руке Гигиен на рельефах и статуях, четко процарапано посвящение Асклепию неким Филоном, Филиппом или другим лицом с именем, которое начинается на Φ1 (оно написано сокращенно). Найдена она в 1962 г. в окрестностях Херсонеса.

Другое граффито с посвящением Асклепию вырезано на дне чернолаковой тарелки конца IV—начала III в. до н. э., найденной около эллинистического дома в северном районе города. Пять граффити на чернолаковых тарелках IV в. до н. э. с двумя буквами АС могут представлять собой аналогичные посвящения или теофорные имена (т. е. образованные от имени бога) типа Асклепиад, Асклепидор (имена богов на сосудах тоже писали обычно сокращенно). Заметим, что три из пяти сосудов найдены в районе античного театра.

По теофорным именам, как и по изображениям на монетах, судят о распространении того или иного культа в отдельных центрах. Имя Асклепиад встречается в двух лапидарных надписях (II в. до н. э. и II в. н. э.), а также среди клейм на амфорных ручках и черепице Херсонеса IV—III вв. до н. э.

До недавнего времени на основе имевшихся находок полагали, что культ Асклепия проник в Херсонес только в первые века новой эры из Фракии и Мезии вместе с римскими легионерами. Граффити, клейма, имена заполнили пробел в наших знаниях, выявив культ бога-врачевателя в эллинистическую эпоху, когда он процветал в материковой Греции и был известен в городах Причерноморья [13].

В Эпидавре, Афинах и других центрах, где культ Асклепия сочетался с храмовой медициной, больные приносили в дар богу выполненные из глины, кости или металла изображения больных частей тела. Они свидетельствуют о прекрасном знании древними анатомии и некоторых патологических изменений в организме. Современные врачи уверенно диагностируют по этим изображениям целый ряд известных тогда болезней: паралич лица и туловища, расширение вен, рак грудной железы, заболевания легких, горла, глаз, ушей и носа. Помимо таких подношений самый знаменитый храм Асклепия в Эпидавре был украшен каменными плитами с надписями о чудесных исцелениях. Это привлекало посетителей со всей Греции и внушало им веру в бога-врачевателя. Любопытно, что в некоторых из этих надписей сообщается о неверии со стороны отдельных лиц в то, что слепой сможет прозреть, а паралитик — бегать, и насмешках по этому поводу. Здесь же добавляется, что бог исцелял больных, доказывая свое могущество, а иногда карал за богохульство и невежество, например, потребовал от одной женщины подарить храму золотую свинью.

Выше рассказывалось о херсонесских надписях в честь Асклепия. Быть может, там встречались votivные (посвященные богу) предметы, которые не были раньше распознаны и объяснены? В поисках ответа следовало вновь начать «раскопки» в фондах музеев, и они прошли не безуспешно. В экспозиции Исторического музея в Москве

выставлена костяная рука длиной 7 см с отверстием для подвешивания (найдена в Херсонесе в 1891 г.), в фондах Херсонесского музея хранятся две глиняные руки с детально проработанными изгибами суставов и ногтями на всех пальцах. Нет сомнения в том, что это не части статуэток, а самостоятельные терракоты, удивительно похожие на вотивы из Эпидавра и других центров.

Обращает на себя внимание и другая группа материалов. На многих изображениях Асклепий держит в руке яйцо (более известен другой атрибут этого бога — змея), а недавно в двух святилищах Асклепия римского времени, раскопанных в НРБ, впервые были обнаружены каменные яйца. Болгарский ученый Т. Герасимов, сопоставив эти находки с известными изображениями, пришел к убедительному заключению, что наряду с рельефами и надписями богу приносили в качестве вотива каменные яйца.

И на этот раз музейные фонды не подвели. В Херсонесе удалось выявить шесть яиц из мрамора, известняка и других пород камня, а одно — из глины. Судя по архивным записям, все они были найдены на территории жилых кварталов, а не некрополя. Это существенная деталь, ибо древние связывали также яйцо с культом мертвых и часто клали в могилу вместе с другим погребальным инвентарем.

Вскоре после раскопок в Болгарии нашла объяснение и символика яйца в культе Асклепия в связи с находкой арабского перевода пропавшего сочинения Галена. В нем римский врач пишет, что греки клали в руку Асклепия яйцо как символ универсальности и того, что весь мир нуждается в медицине.

В конце античной эпохи конкурентом Асклепия стал египетский бог Серапис, а в период распространения христианства функции врача были приписаны Иисусу Христу.

Арабская рукопись, раскопки в Болгарии, находки в Крыму — все это еще раз подтверждает, что наука может успешно развиваться только на основе совместных исследований ученых разных стран и обмена научной информацией.

ДРУГИЕ БОЖЕСТВА

Множеству языческих богов соответствовало большое количество святилищ, празднеств и церемоний. Имена богов вырезали на фронтонах храмов, алтарях, постаментах статуй богов, рельефах и вотивных плитках. Кроме храмов для общественных богослужений, устраивали небольшие домашние святилища; некоторые из них открыты в Крыму раскопками последних лет.

Если бы античные храмы Херсонеса не были разрушены при возведении построек средневекового города, а многие статуи и алтари к тому же сознательно не разбиты врагами язычества — христианами, до нас дошло бы значительно больше памятников античной архитектуры, скульптуры и эпиграфики. Но, увы, такова историческая судьба этого города, названного Максимом Горьким «цветком эллинской культуры».

В итоге греческие посвятельные надписи, вошедшие в «Корпус» В. В. Латышева (№ 406 — 416), можно пересчитать по пальцам. Это мраморный постамент от огромной статуи работы Поликрата с посвящением Афине Спасительнице (Хранительнице) IV в. до н. э.; шесть посвящений Деве — главной богине-покровительнице города IV в. до н. э. — I в. н. э. и небольшой фрагмент с именем Зевса II в. н. э.; еще в нескольких надписях имена богов не сохранились. На двух из этих памятников стоит остановиться.

Хорошо вырезанная надпись на постаменте статуи Афины («Корпус», № 406) помещена в необычном месте — не на лицевой, а на тыльной стороне; фигура же богини, судя по сохранившемуся следу ноги, превышала по высоте 3 м. Оба указанных момента позволяют заключить, что памятник был рассчитан на осмотр с большого расстояния, а надпись можно было прочесть, лишь подойдя к нему с тыла (рис. 12). Это наводит на мысль, не стоял ли он на обрыве у моря в качестве своеобразного маяка. Для такой роли вполне подходила Афина Спасительница, почитаемая в некоторых центрах как

покровительница мореходства. Подобной статуе-маяку Афродиты посвящена эпиграмма греческой поэтессы конца IV — начала III в. до н. э. Аниты Тегейской:

Это владенье Киприды. Отсюда приятно богине
Видеть всегда пред собой моря зеркальную гладь;
Ибо она благосклонна к пловцам, и окрестное море
Волны смиряет свои, статую видя ее.

В. В. Латышев предполагал, что Поликрат, создавший статую Афины, был тем афинским скульптором, о котором упоминал Плиний Старший. Некоторые же видят достаточно оснований считать Поликрата и Кефисодота (поставившего в Херсонесе статую Аристона, сына Аттины) местными херсонесскими мастерами, которые, по обычаю греков, заимствовали имена известных афинских скульпторов.

Фрагмент камня с посвящением Деве IV в. до н. э. («Корпус», № 409), найденный и впервые изданный Р. Х. Лепером, считали частью базы от статуи, однако большое овальное углубление скорее всего могло быть на алтаре (рис. 13). Не безынтересно и такое обстоятельство: памятник был, видимо, специально вырезан из красноватого балаклавского мрамора (другие поделок из этого камня нам не встречалось); он поразительно напоминает описанный Овидием алтарь богини тавров из белого мрамора, ставший красным от пролитой на него крови. Ведь в херсонесской богине, по всей видимости, слились черты греческих Артемиды и Девы с чертами местной таврской Девы, а в ранний период всем им приносили человеческие жертвы.

После В. В. Латышева выявлено сравнительно немного посвященных надписей, но каждая представляет большой интерес. Прежде всего надо назвать два целых алтаря Немесиды с греческой и латинской надписями, но о них уместнее было говорить в главе о театре, с которым они неразрывно связаны. Здесь еще раз подчеркнем, что до этих находок отсутствовали какие-либо данные о культе Немесиды в городах Северного Причерноморья.

В 1915 г., т. е. за год до выхода в свет дополненного 1-го тома «Корпуса», недалеко от Уваровской базилики случайно нашли фрагмент плиты из проконнесского мрамора с остатками двух строк греческой надписи. В. В. Латышев успел включить надпись в помещенный в конце книги раздел «Addenda» (дополнения), но лично осмотреть памятник не смог и издал ее по не вполне точным сведениям («Корпус», № 715). Очевидно, поэтому памятник отнесен к надгробным, а надпись оставлена без чтения.

Работая над этим камнем, еще раз убеждаешься, что в эпиграфике важна каждая мелочь, а главное — в необходимости изучать надписи не изолированно (этим грешили многие старые эпиграфисты), а как часть единого архитектурного памятника. Выяснилось, что камень этот не надгробный, а представляет собой часть постамента со следом от ноги статуи. Предполагавшегося ранее продолжения строк надписи здесь не могло быть, поскольку сохранился верхний и нижний края. Установив категорию памятника, можно по-новому подойти и к самой надписи. Ключ к чтению и дополнению утраченных частей дали формулы посвящений, встречавшиеся и в Херсонесе.

В итоге «непонятный» камень оказался постаментом статуи посвященной Деметре — главной богине плодородия и земледелия, культ которой имел широкое распространение в Греции и в городах Причерноморья, в частности в Мегарах, Гераклее и их колониях, а также на Боспоре. Важную роль земледелия в Херсонесе подтверждают раскопки на территории его хоры, текст присяги и декрета в честь Агасикла, а большое значение культа Деметры — терракоты, теофорные имена и многочисленные граффити на чернолаковых посвященных сосудах. Теперь впервые выяснилось, что где-то в святилище или на площади в III в. до н. э. (так по шрифту датируется надпись) возвышалась на мраморном постаменте статуя богини Деметры.

Познакомимся еще с одной старой находкой неизвестного происхождения, доставившей особенно много хлопот так как греческая надпись была в древности почтя

полностью уничтожена острым инструментом (рис. 14). В 1926 г. памятник был упомянут в путеводителе по Херсонесскому музею, а в старой инвентарной книге он значился как квадратная база с рельефным изображением змеи. В действительности это большой целый мраморный алтарь прямоугольной формы, украшенный профилированным карнизом, розетками, гирляндами из лавровых листьев, перевязанными лентами (их почему-то приняли за змею), и букраниями (изображением бычьих голов). Заглубленная площадка на верхней плоскости размером 47X55 см предназначалась для различных жертвоприношений. Когда тяжелый алтарь перевернули, оказалось, что внизу вырублено большое чашеобразное углубление с зубчатыми краями (диаметром 45,5 и глубиной 19,5 см). Скорее всего, алтарь приспособили в средневековое время в каком-нибудь храме как чашу для святой воды или других культовых целей и по этой причине сбили языческую надпись и часть рельефных украшений.

Форма, рельеф, обработка и остатки надписи позволяют датировать алтарь эллинистическим временем, точнее — III в. до н. э. Присмотревшись к надписи, расположенной в три строки, можно заметить характерный способ ее забивки: каждую букву стесывали отдельно, оставляя контуры и выступающие концы линий. Определенное количество букв в каждой строке и формула посвящений явились опорой для частичной реконструкции фактически погибшего памятника. Делу помогло перенесение на кальку сохранившихся кончиков букв, их графическое дополнение в соответствии с формами сколов, размерами и пропорциями букв и промежутков между ними. В результате кропотливой работы было установлено содержание надписи. В ней говорилось, что Аркесо, жена Сополиса, посвятила этот алтарь Спасительнице. Не удалось дополнить имя отца Аркесо и уверенно прочесть первое слово третьей строки перед именем богини.

Как мы уже говорили, иногда эпитет Спасительница (греч. Сотейра) добавляли к имени богини (например, Афины), но в некоторых центрах существовал самостоятельный культ богини Спасительницы (Хранительницы) после избавления города от серьезной опасности — нападения врагов или природного бедствия. Так, после отражения набега галатов в 278 г. и спасения святилища в Дельфах там был учрежден особый праздник — Сотерии, на котором прославляли богиню Спасительницу, избавившую их от врагов. Ряд надписей III в. до н. э. сообщают о непрерывных нападениях скифов и тавров на Херсонес и подвластные ему земли. Возможно, тогда был введен в городе культ Спасительницы.

В последние годы стало ясно, что для изучения античных культов наряду с лапидарными надписями, монетами и памятниками искусства необходимо шире привлекать граффити на вотивных сосудах, которым много внимания уделяли еще Э. Р. Штерн и И. И. Толстой. Выше упоминались некоторые из них в связи с посвящениями Асклепию и Деметре, но еще важнее те культы, о которых пока молчат надписи на камне.

На основе изучения большого материала, раскрытия ряда монограмм и сокращений, граффити на чернолаковых сосудах Херсонеса и его хоры позволили фактически восстановить весь пантеон верховных греческих богов, начиная с V в. до н. э. (рис. 15). Граффити свидетельствуют, что, кроме Девы, там почитали Артемиду и Ифигению, а наряду с Гераклом — Ахилла, другого общегреческого героя. Сочетание нескольких граффити на одном сосуде дали основание предполагать совместный культ богини Лето (у дорийцев — Лато) и ее детей — Артемиды и Аполлона. Этим трех богов особо почитали и в Мегерах, а всю триаду вместе — на Делосе, по преданию, участвовавшем в основании Херсонеса.

На сосудах процарапаны также имена восточных богов, проникших в Херсонес в эллинистическую эпоху из Египта, Малой Азии и Фракии. Среди них особенно много посвящений малоазийской матери богов Кибеле, памятники которой находят во всех городах Северного Причерноморья. В Эрмитаже хранится фрагмент красно-фигурного кратера V—IV вв. до н. э. из Херсонеса, где монограмму с именем Кибелы сопровождает процарапанное изображение льва — священного животного этой богини. На дне целого чернолакового килика IV в. до н. э. некая Афинаида оставила посвящение Великим богам,

под которыми понимали фракийских богов плодородия Кабиров. На нескольких сосудах имеется по два граффити, вероятно, связанных с культом египетских богов Сераписа и Исиды.

Множество посвяtitельных сосудов дает возможность сделать количественные сопоставления, выявляя удельный вес того или иного культа, а также определить время появления и расцвета каждого из них [14].

Благодаря систематическим раскопкам на разных участках городища найдено несколько алтарей с латинскими надписями — след пребывания в Херсонесе римского гарнизона и флота. Не случайно три алтаря обнаружены в районе 19-й и 20-й куртин оборонительных стен, где, по всей видимости, находился лагерь легионеров, а четвертый (Немесиды) — в перестроенном в римское время театре. Все эти алтари выполнены из простого местного известняка, в то время как греки тратили большие средства на украшение храмов и сооружение статуй и алтарей из привозного мрамора.

1928 г. дал первую находку. Около 19-й куртины вместе с черепицей с клеймом XI Клавдиева легиона, монетами I—II вв. и другими материалами римского времени из земли извлекли два крупных каменных блока общей высотой 1 м. Алтарь украшен рельефными поясками и покрыт розовой обмазкой. Восьмистрочная надпись вырезана рукой опытного мастера по тонко проведенным линейкам, но средние строки и левый нижний угол отбиты. По шрифту памятник датируется II в. н. э. (рис. 16).

В тексте, как обычно, много сокращений, а в распространенных именах и формулах слова урезаны до одной первой буквы. Так, в первой строке лишь три буквы: I. O. M., обозначающие I(ovi), O(ptimo), M(aximo), т. е. «Юпитеру Лучшему Величайшему», а в последней — четыре: V. S. L. M., т. е. v(otum), s(olverunt), l(ibentes), m(erito) — «исполнили обет, жертвуя по заслуге» (если алтарь соорудил один человек, то это выражение ставится в единственном числе). В числе дедикантов (посвяtitелей) назван ординатор и, вероятно, писец флота (часть букв отбита, а слово дано в сокращении). Ординатором же назывался в римской армии центурион (командир части, входившей во вспомогательную когорту или легион).

Юпитер считался главным богом в Римском государстве и войске. Его алтари ставили во всех подвластных Риму городах и в каждом военном лагере. Даже в небольшой крепости Харакс *I. O. M.* вырезано на трех алтарях.

В 1960 г. в Херсонесе был найден еще один алтарь, посвяtitенный Юпитеру Лучшему Величайшему. Он попал в забутовку 20-й куртины вместе с фрагментами краснолаковой посуды, амфор и черепицы III—IV вв. н. э. во время перестройки стены в эпоху средневековья.

По внешнему виду алтарь сильно отличается от своего «собрата». Поверхность его обработана грубо, в качестве материала использован плохой ракушечный известняк, очертания не имеют четких линий, наконец, надпись вырезана и размешена небрежно, без соблюдения строк. Чтение затрудняет также большое количество выбоин, изъянов и обломов (рис. 17).

При первом знакомстве с памятником можно было различить лишь отдельные группы букв, не желавшие складываться в целые слова. На этот алтарь мы возлагали большие надежды; ведь латинские надписи встречаются еще реже, чем греческие. Очень хотелось вырвать скрытую в восьми строках тайну. Постепенно стали выявляться особенности этой надписи: редкая форма буквы *A* с вертикальной черточкой внизу вместо горизонтальной перекладки (это сразу помогло расшифровать несколько слов), дописывание последних букв над или под строкой, отсутствие падежных окончаний, странные глагольные формы. Позже выяснилось, что все эти особенности характерны для письма и языка позднеимперского времени. На основе ряда аналогий, еще до получения связного текста, можно было датировать памятник по шрифту III — началом IV в. н. э.

Чтение продвигалось крайне медленно. С самого начала было ясно, что надпись требует особого подхода. Она напоминала запутанный клубок ниток, и надо было осторожно, терпеливо и не спеша его распутать. Вот результат:

Caius Valer(ius)
 Vale(n)s,
 miles clas(sis)
 [Fl]avia(e) Misi(cae),
 liburna
 «Sagit(t)a»
 posivi(t) ara(m)
 [I]ov(i) Opt[imo] [Maximo]..

В переводе: «Гай Валерий Валент, моряк Мезийского Флавиева флота, либурна (или — с либурны) «Стрела», поставил алтарь Юпитеру Лучшему Величайшему...»

Всего несколько строк, а какую важную информацию они несут и даже содержат черты разговорной народной речи (здесь упрощенная глагольная форма *posivi* вместо *posuit*, нет падежных окончаний в словах *Flavia* и *ara* и буквы *t* в конце глагола *posivit*). Ведь из этого языка родилась средневековая латынь, которую долго презрительно называли вульгарной или кухонной, а затем — европейские языки романской группы (французский, итальянский, румынский, молдавский и др.).

Алтарь поставлен моряком, служившим на одном из кораблей Мезийского Флавиева флота. Название это флот получил от имени императора Тита Флавия Веспасиана (69—79 г. н. э.), который реорганизовал Дунайский флот и установил места его размещения у берегов Мезии (Западное Причерноморье). Во II—III вв. н. э. Мезийский Флавиев флот стоял в Новиодуне вместе с V Македонским легионом. Оттуда отряды сухопутных войск и корабли направляли по Черному морю в разные пункты, в том числе и в Крым.

В надписи есть редкая подробность: указание на тип корабля и его название — либурна «Стрела». Либурна — это римский военный корабль. Его модель была заимствована у племени либурнов, живших на берегу Адриатического моря и занимавшихся пиратством на своих легких и быстроходных парусных суденышках. В римском флоте небольшие либурины использовали в качестве сторожевых кораблей, а более крупные — боевых. Они охраняли берега, эскортировали военные транспортные и боевые суда.

Давно был составлен список названий всех известных римских кораблей, но «Стрелы» там нет. Это название весьма подходит для быстроходной либурины, но не похоже на традиционные наименования типа «Нептун», «Тритон», «Победа», «Смелость» и т. п.

Из надписей на камнях, черепичных клеймах и сообщений Константина Багрянородного о войнах между Херсонесом и Боспором можно заключить, что вплоть до IV в. н. э. в Херсонесе стоял римский гарнизон, но из этой надписи мы узнали, что его берега охраняли также корабли римской военной эскадры.

В III в. н. э. готские племена грабили и опустошали греческие поселения на берегах Черного моря, а затем на боспорских кораблях — города островной и материковой Греции; в IV в. их сменили гунны, окончательно уничтожившие многие причерноморские центры. Херсонес уцелел. Видимо, определенную роль здесь сыграл римский флот, охранявший его берега.

Наконец, условия находки памятника внесли важные коррективы в вопрос о датировке оборонительных стен города. Раньше утолщение 20-й куртины относили преимущественно к I в. н. э., использование же в забутовке стены алтаря, поставленного моряком, со всей убедительностью передвинуло время этой перестройки на несколько веков вперед.

В «Корпусе» (№ 748) издана надпись на алтаре, дополненная М. И. Ростовцевым по аналогии с надписями из Харакса как посвящение Юпитеру. Это дополнение не вызвало никаких возражений и было принято всеми исследователями. Новый тщательный осмотр памятника поколебал прежнее мнение.

Верхняя часть алтаря сильно повреждена, но на боковой стороне и над первой буквой ясно прослеживается карниз, а над ним — никаких следов надписи. Она, вероятно, начиналась под карнизом и посвящена не Юпитеру, а какой-то богине — Dea(e), быть может, Виктории, Немесиде или другой, которую почитали легионеры.

Самой скверной сохранности оказался небольшой алтарь из ракушечного известняка (высота 36 см), случайно найденный на городище в 1947 г. в завале камней, использованных в период фашистской оккупации Крыма в кладке какой-то постройки. Вверху обычное углубление для возлияний, на лицевой стороне следы шести строк латинской надписи, испорченной выбоинами и сколами. В ряде строк осталось лишь по несколько букв, но больше всего — в первой, где следовало ожидать имени божества. Время надписи примерно определяется концом II—III в. н. э.

После осмотра камня при разном освещении и с боковой подсветкой, промеров букв и сбитых участков, калькирования и зарисовки постепенно выявляемых букв удалось прочитать и дополнить лишь первую и последнюю строки: [in]victo Mi[tr]ae (Непобедимому Митре) и уже раскрытое выше сокращение V. S. L. M. — «Исполняет обет, жертвуя по заслуге».

Конечно, неизвестными остаются имя дедиканта (по-святителя), возможно — воинское звание и легион (не исключено, что в дальнейшем кому-нибудь удастся их дополнить, особенно в случае появления убедительных аналогий), но имя бога в начале надписи дает ценнейшие и новые сведения о проникновении в Северное Причерноморье восточных культов, ибо перед нами первое письменное свидетельство о поклонении персидскому богу Солнца Митре в этом регионе. Подчеркиваем — письменное, так как в Херсонесе, Хараксе и Ольвии были найдены votivные плитки первых веков новой эры с изображением Митры.

Греческое население Херсонеса до конца жизни древнего города сохраняло свой язык и письменность. Поэтому латинскую надпись на алтаре могли оставить только римские легионеры, прибывшие из Фракии или Мезии. Они же принесли митраизм в другие города Северного Причерноморья, где он не был принят официально, но мог найти адептов не только среди легионеров, но и жителей античных колоний.

С 1956 г. выходит серия книг, посвященных восточным культам римского времени. Первые два тома, изданные в Гааге (остальные — в Лейдене), содержат многочисленные надписи и памятники митраизма со всей территории Римской империи (сюда вошли и некоторые памятники Северного Причерноморья), остальные книги написаны специалистами из разных стран на местных материалах. Среди них книга В. Д. Блаватского и Г. А. Кошеленко о культе Митры в Северном Причерноморье. Авторы указывают, что в Пантикапей митраизм проник из Малой Азии, возможно, еще в период Митридатовых войн. Вероятно, он входил также в сложный синкретический культ Бога Высочайшего, получивший широкое распространение на Боспоре в первые века новой эры. Не имея конкретных памятников, авторы ограничиваются предположением о почитании Митры и в Херсонесе как главной базе римских легионеров в Крыму. Рассмотренные выше находки целиком подтверждают это предположение.

Вероятно, читателю интересно хотя бы в общих чертах познакомиться с сутью митраизма как религии, сыгравшей немалую роль в духовной жизни позднеантичного времени, а также в формировании христианства.

Митраизм возник на основе слияния элементов иранских, семитских и малоазийских культов и построен на принципе активного дуализма — противопоставления и борьбы света со тьмой, добра со злом. Непобедимый (invictus) бог Солнца Митра считался самым могущественным божеством. Он ежедневно побеждал

ночь и неустанно боролся с богом зла Ариманом и его демонами. Таким образом, митраизм из всех языческих религий ближе всех подошел к монотеизму (единобожию) и отвечал другим, новым чаяниям, обещая победу справедливости, покой и бессмертие. Главными достоинствами людей считались героизм в борьбе, правдивость и справедливость, которые обеспечат полную победу бога и вечное блаженство души.

Сложный обряд посвящения и тайные мистерии сильно воздействовали на чувства и привлекали людей из разных слоев населения, но запрещение женщинам принимать участие в этих религиозных церемониях сильно ограничило круг верующих, превратив митраизм в чисто мужскую религию, особенно увлекшую легионеров. Поэтому много Митреумов (святилищ Митры) и отдельных памятников находят в Мезии, Фракии, Паннонии, Дакии и других местах, где стояли римские войска, причем среди них было немало солдат восточного происхождения. Император Коммод поддерживал культ Митры в Риме и даже лично участвовал в религиозных церемониях. Его адептами были и другие «солдатские» императоры.

Митраизм являлся самым серьезным соперником христианства, но чаша весов склонилась в пользу вероучения Иисуса Христа, однако из митраизма оно почерпнуло праздники в честь Солнца, причащение и крещение.

Рассказ о латинских посвячительных надписях мы завершим историей одной находки в Хараксе, где, как уже говорилось, была стоянка римских легионеров и кораблей Равеннской эскадры.

Весной 1961 г. участники археологического кружка при Ялтинском Доме пионеров наблюдали за земляными работами в парке санатория и собрали вдоль траншеи обломки сосудов, черепицы и амфорных ручек позднеимперского времени. Однажды на глубине около 2 м ребята нашли верхнюю часть рельефной мраморной плитки с изображением всадника и доставили ее в Отдел археологии Крыма. Плитка, вероятно, происходила из святилища легионеров, и необходимо было удвоить внимание в поисках второй половинки, на которой могла находиться пояснительная надпись. Тщательно перебрав землю, выброшенную из траншеи, пионеры отыскивали нижнюю часть плитки, которая точно сложилась с верхней и, как и предполагали, имела внизу трехстрочную латинскую надпись. После изучения и реставрации памятника он был передан в Ялтинский музей (рис. 18).

Основную часть плитки, окруженной простой гладкой рамкой, занимает сцена охоты. Всадник в коротком хитоне и развевающимся на ветру плаще в правой руке держит копьё, а в левой — поводья скачущего коня. Внизу собака гонит дикого кабана. Под рельефом на широкой части рамки небрежно вырезана надпись, которую можно датировать концом II — началом III в. н. э. Она сообщает, что вотив поставлен Клавдием Руфом и Аврелием Максимом. В третьей, сильно испорченной строке, возможно, указано имя божества, но о нем достаточно красноречиво свидетельствует изображение. Это хорошо известный Герой-всадник — главное божество в религии фракийцев.

Фракийцы служили в римских легионах, получали римские имена, но продолжали и на чужбине поклоняться богам своей родины. В Хараксе еще в 1907 г. было открыто святилище легионеров. Наряду с алтарями Юпитера и посвящениями другим богам там было найдено три обломка с изображением Героя-всадника. Новая находка пополнила эту коллекцию первым целым памятником.

Несколько фрагментов подобных плиток обнаружено в Херсонесе, Тире и других местах. Большая мраморная плита (45x28 см), найденная в конце прошлого века около Керчи, может быть присоединена к той же группе (рис. 19). На фотографии, изданной А. И. Маркевичем (сама плита пропала), изображены всадник с копьем, кабан и обвивающая дерево змея, а снизу — греческая надпись с характерными фракийскими именами посвященных — Авлудзен и Мукапорис [15].

Культ Героя-всадника носил синкретический характер. Его сравнивают с Дионисом, Аполлоном и Гераклом и считают богом-воином, покровителем коневодства и охоты.

Несколько лет тому назад в окрестностях Херсонеса был случайно найден при строительстве шоссе мраморный алтарь II—III вв. н. э. с греческой надписью, посвященной Зевсу Либеранскому. Это новое свидетельство проникновения в Крым фракийских культов. На боковых сторонах алтаря два одинаковых рельефа: орел с венком в клюве, считавшийся символом Зевса и Юпитера, а также богини победы Ники [16].

Религия играла важную роль в духовной жизни античного общества, но значение надписей сакрального характера не ограничивается культово-религиозной сферой. Все они, как было показано, освещают самые разные стороны жизни, и дело историка — суметь извлечь, этот материал.

ЭПИТАФИИ

Надгробные памятники относятся к произведениям искусства малых форм. Их изготовляли обычно не выдающиеся мастера, а ремесленники по распространенным и установившимся стандартам; в главных чертах они связаны с основными этапами развития античного искусства, хотя имеют локальные особенности в отдельных регионах. Эпитафии (надгробные надписи) органически входят в общую композицию этих памятников, которые надо рассматривать как единое целое.

В жизни греков и римлян культ предков занимал весьма важное место. Поэтому они заботились о сооружении достойных надгробных памятников, постоянно их подновляя и украшая. Большинство памятников ставили частные лица и лишь в редких случаях — государство.

Отдельное надгробие с лаконичной надписью представляется малоинтересным для историка, но обилие памятников дает важный материал для изучения социального и этнического состава населения, его занятий, имущественного расслоения. В этом смысле их правомерно сравнить с многочисленными граффити на сосудах или клеймами на амфорах и черепице, которые в еще большей степени поддаются статистической обработке.

Некоторые эпитафии сообщают о военных подвигах погребенных, их гибели во время сражений, другие — об особых заслугах перед родиной; в отличие от декретов и почетных надписей, посвященных государственным деятелям, они знакомят нас и с рядовыми гражданами города, в том числе с женщинами и детьми. Надгробия легионеров содержат ценные сведения о подразделениях римских войск, стоявших в том или ином пункте. Наконец, именно по эпитафиям можно судить о господствовавших в разные периоды представлениях древних о загробном мире, а по указанию возраста с первых веков новой эры — о средней продолжительности жизни, детской смертности и других демографических вопросах (конечно, при наличии массового материала).

Простейшей формой античного надгробия является стела — прямоугольная вытянутая плита, которую впоследствии стали украшать профилированным карнизом, розетками и пр. Широкое распространение получают в античном мире рельефные изображения героизированных умерших и сцена загробной трапезы, а в некоторых центрах — памятники с полихромией росписью. В первые века новой эры под влиянием развития римского портретного искусства в лучших надгробиях стремятся передать индивидуальные черты и возрастные особенности покойного.

Ранние надгробия, как правило, содержат только имя погребенного и его отца, для женщин — добавляется имя мужа. Затем формулы усложняются, превращаясь постепенно в характеристику заслуг и достоинств, чаще самого общего характера. Люди состоятельные заказывали стихотворные эпитафии.

Надписи выполняли резцом (часто вырезанные буквы обводили краской) или кистью на сглаженной поверхности плиты, последние называют итальянским словом дипинти (*dipinti* — рисованные красками).

ХАΙΡΕ ΠΑΡΟΛΕΙΤΑ⁴

Все сказанное относится и к надгробным памятникам Северного Причерноморья, в основном изданным В. В. Латышевым. Начнем с херсонесских надгробий эллинистической поры. Часть неизданных памятников была обнаружена в фондах Херсонесского музея во время создания лапидария и упорядочения эпиграфической коллекции, часть поступила из новых раскопок. Особенно богатый «урожай» дало исследование в 1960—1961 гг. большой круглой фланговой башни XVII, так называемой башни Зенона. Когда, подобно куску из торта, был вынут один сектор камней, глазам предстала удивительная картина: древняя часть башни, позже не раз утолщавшаяся дополнительными поясами, выложена из разбитых на части стел и других архитектурных деталей, взятых со старого участка некрополя. Они лежали рядами во всю высоту башни, и потребовалось много труда, сил и времени, чтобы постепенно, слой за слоем, не повредив драгоценные памятники, поднять их наверх. Ежедневно на носилках доставляли новые «трофеи».

Вынимая из башни ряды камней, археологи ходили по выложенным плашмя и, как правило, перевернутым лицевой стороной вниз стелам. Значит, так же ходили по ним древние каменщики, не повредив роспись, рельефы и надписи. Обстоятельства заставили греков использовать надгробия в качестве строительного камня, но, видимо, уважение к предкам и сильно развитое эстетическое чувство подсказали более бережное к ним отношение. А ведь благодаря этим каменщикам, да и самой башне, веками защищавшей надгробия от непогоды и других злоключений, дошли до наших дней неповторимые творения древних мастеров.

После раскопок началась, как обычно, камеральная обработка материала. Члены экспедиции стали собирать и складывать разбитые на части стелы и постаменты для их крепления, измерять их и описывать, а приглашенные из Эрмитажа опытные реставраторы — очищать и закреплять сохранившуюся роспись. Прошел еще долгий срок «лечения» камней в лаборатории музея по удалению солей, прежде чем их выставили для всеобщего обозрения в экспозиции Херсонесского музея, а некоторые отправили в Эрмитаж. Всестороннее изучение памятников завершилось коллективным изданием в 1969 г. специального выпуска сообщений Херсонесского музея под названием «Башня Зенона».

Одна из самых ранних стел Херсонеса, которую можно датировать по шрифту концом V — началом IV в. до н. э., оказалась «беспаспортной», поскольку в архиве музея нет никаких сведений о времени и месте ее находки. Это плита из местного известняка, украшенная простым карнизом. Вырезанная в две строки надпись частично повреждена и содержит только имена: «Госон, (сын) Папия».

Имя отца греческое, распространенное, но имеет дорийскую форму, что свидетельствует о том, что жители Херсонеса, прибывшие из Гераклеи Понтийской, говорили на дорийском диалекте греческого языка (другой дорийской колонией Гераклеи на Черном море была Каллатия на территории современной Румынии). Редкое имя Госон, по мнению лингвистов, иранского происхождения. Оно встретилось еще на одном херсонесском надгробии IV в. до н. э., а соответствующее женское имя Госа — на стеле III в. до н. э. И больше нигде. Носители этих имен были, скорее всего, греками (судя по именам их отцов) и могли их заимствовать от соседних скифов и других ираноязычных племен. Подобные имена, вероятно, также давали детям при смешанных браках. Таким

⁴ *Прощай* (или *привет*), *прохожий*. Так часто писали в конце греческих эпитафий.

образом, одно только имя не дает права судить о происхождении и этнической принадлежности его носителя.

Другую стелу с вырезанной надписью обнаружили в 1957 г. в стенке каменного водостока первых веков новой эры. В отличие от стелы Госона поверхность известняковой плиты хорошо сглажена и украшена профилированным карнизом и двумя рельефными розетками. Глубокий паз на верхней грани служил для крепления венчающей части стелы (анфемия), которую изготовляли отдельно.

Надпись «Каллиад, (сын) Артемидора» выполнена по тонко прочерченным линейкам, заранее точно размечена и вырезана четкими красивыми буквами. Такое орнаментальное каллиграфическое письмо редко встречается на простых надгробиях и относится по шрифту к IV или началу III в. до н. э. (рис. 20).

Среди надгробий, вынутых из башни Зенона, наряду с вырезанными надписями оказалось много дипинти, выполненных черной и красной красками (сажей и охрой). Рассмотрим одну из них, чтобы получить представление об общем виде расписных стел (рис. 21).

Известняковая плита высотой 162 см сложилась из трех обломов. Поверхность тщательно обработана. Вверху профилированный карниз и фронтоны с тремя акротериями наподобие крыши здания с «коньками» по углам. На карнизе орнамент, нанесенный синей краской по красному полю. Внутри фронтона на черном фоне хорошо выделяется тонкий растительный орнамент (пальметки), выполненный белыми и желтыми линиями. Рельефные розетки на лицевой и боковых сторонах кажутся распустившимися живыми цветами благодаря раскраске в белый, красный, желтый и зеленый цвета. Между карнизом и розетками красиво выведена кистью трехстрочная надпись, причем черная надпись отчетливо видна на светлом камне. Под розетками также кистью изображены траурные белые ленты, перевязанные узлом, со свисающими концами (тэнии) и сосуд удлиненной формы (алабастр), покрытый цветным узором. Расписной орнамент помещен и на резном цоколе в нижней части стелы. Надпись, датируемая III в. до н. э., сохранилась полностью и читается безо всяких дополнений: «Поликаста, (дочь) Гиппократы, жена Дельфа». Все имена греческие, но Поликаста впервые встречается среди собственных имен, и до сих пор это имя фигурировало во всех словарях лишь в качестве мифологического.

Рядом со стелой Поликасты в кладке башни лежала стела Дельфа, сына Евклида, также III в. до н. э. Вполне возможно, что надгробия попали в башню с соседних могил и принадлежали супругам (оба они сейчас находятся в Эрмитаже).

Изображение перевязанных тэний и висящего на шнурке алабастра для благовонных масел (античных духов) — характерный мотив на женских надгробиях, выполнявшийся то красками, то рельефом.

Оформление мужских стел отличается большим разнообразием сюжетов, из которых чаще всего повторяются следующие: 1) принадлежности спортсмена-палестрита: стригиль для очистки кожи от песка и масла после упражнений и арибалл — круглый сосуд для масла, которым натирали тело; 2) меч в ножнах и портупея; 3) суковатый посох (рис. 22, а—в).

Сопоставив изображения с надписями, исследователи пришли к выводу, что они указывают на возраст погребенных: юношей, зрелых мужей и стариков. У каждой возрастной группы были свои обязанности: юноши проходили военно-спортивную подготовку, мужчины до 60 лет призывались для защиты родины, а люди пожилого возраста часто занимали различные выборные должности. Такие группы очень напоминают три возрастные класса и мужские союзы на Крите, в Спарте, Милете и особенно характерны для дорийцев. Пережитки этих античных организаций, восходящих к эпохе первобытнообщинного строя, наблюдаются у некоторых современных народов Азии, Африки, Америки, быть может, они существовали и в древнем Херсонесе.

Возникает вопрос, почему нет подобных различий на женских надгробиях той же эпохи? Причина, вероятно, кроется в том, что женщины не принимали участия в

общественной жизни античных государств. Только в римское время в тексте эпитафий, мужских и женских одинаково, стали указывать число прожитых лет.

Некоторые группы стел из башни Зенона, без сомнения, принадлежали членам одной семьи и даже выполнены в одной мастерской. Так, очень похожи по оформлению, шрифту и росписи стелы семьи Санниона III в. до н. э. с надписями черной краской. Отец — Саннион, сын Мегакла (рядом нарисован посох), мать — Мендикю, дочь Гереея, жена Санниона (обычное изображение), трое сыновей — Мегакл, Аполлоний и Дионисий (при всех имеется оружие, а у Дионисия еще и принадлежности палестрита). Поскольку по обычаю старшему сыну давали имя деда, можно считать Мегакла старшим, а по изображению стригиля и арибалла Дионисия — младшим. Все имена греческие, Мендикю — фракийское (встречается впервые).

Два надгробия рубежа IV—III вв. до н. э. поставлены братьям: Апеманту и Стратону, сыновьям Агния. Они тоже сделаны одним мастером, ибо совпадают общее архитектурное оформление стел и «почерк» резчика надписи. В отличие от других обе плиты оштукатурены. Несколько слоев штукатурки, поправка и обводка надписи Стратона другой краской свидетельствуют о длительном уходе за этими надгробиями.

На одной стеле IV в. до н. э. сразу два имени: «Горгиппа и Амфий, (дети) Матрия». Видимо, брат и сестра скончались одновременно. Новое имя Горгиппа соответствует мужскому имени Горгипп. Так звали сына боспорского царя Сатира (IV в. до н. э.), который, по сведениям источников, основал в Синдике город Горгиппию.

Еще две похожие стелы рубежа IV—III вв. до н. э., вероятно, стояли на могиле Даматрия, сына Еванта и Коттихи, жены Даматрия. Обращает на себя внимание не только неизвестное до сих пор имя жены, но и отсутствие имени ее отца. Эта деталь (повторенная еще на трех надгробиях) часто свидетельствует о происхождении от вольноотпущенников или иноземцев, но не греков. Не случайны редкие имена и других «безродных» женщин, скорее напоминающие прозвища, например Миттина (немая) и Малака (мягкая, изнеженная).

Оригинальна по оформлению стела Феофанта, сына Апеманта, IV—III вв. до н. э., сложившаяся из двух частей; низ был вынут из башни Зенона в ^{IV}/_{III} а верх — через 50 лет. Профилированный карниз и богатый растительный орнамент дополнены рельефным изображением ряда спускающихся лент с тесемками на концах, опоясанных еще одной лентой, и висящих на шнурах трех предметов: стригиля, сосуда и сетки. Сохранились следы полихромной росписи.

По свидетельству Ксенофонта, победителю на спортивных состязаниях подносили ленты (тэнии), а Павсаний видел такие же тэнии с тесемками в руках статуи богини победы Ники в Олимпии. Ленты в сочетании с принадлежностями атлета известны в росписи керченского склепа IV—III вв. до н. э. и на других памятниках. Можно думать, что на стеле Феофанта увековечили его неоднократные спортивные победы, одержанные в Херсонесе, а быть может, и на общегреческих состязаниях.

Архитектурные фрагменты показывают, что, кроме стел, в некрополе Херсонеса эллинистического времени встречались другие виды надгробных памятников, в частности, в форме миниатюрных храмов (наисков). Судя по надписям, они часто были семейными.

На надгробиях мастеровых иногда изображали их рабочие инструменты, в Херсонесе на стелах IV—III вв. до н. э. — виноградный нож и медицинские инструменты.

Своеобразную группу надгробий Херсонеса составляют известняковые стелы с маленькими мраморными табличками с надписями, вставленными в специально вырезанные прямоугольные пазы. Возможно, их стали делать из-за дороговизны привозного мрамора. В 1975 г. впервые была найдена мраморная плитка с эпитафией IV в. до н. э. в Ольвии, что свидетельствует о распространении подобных надгробий и в других городах.

Стелы со вставками, судя по накопленным сведениям, появились в Херсонесе в конце IV в. до н. э. и имели наибольшее распространение в III и II вв. до н. э. Маленькие «визитные карточки» часто находили выпавшими из гнезд, и археологи долго ломали голову, высказывая самые разнообразные догадки об их назначении. Ответ дали новые находки: одна стела с пустыми гнездами и две — с уцелевшими на месте вставками. Тыльная сторона почти всех плиток носит следы вторичного использования. Видимо, для этих миниатюрных поделок использовали обломки разбитых мраморных чаш и других изделий.

Над обломком мраморной плиты с остатками трех строк надписи, найденной К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1899 г., В. В. Латышев работал по присланному ему в Петербург эстампажу (бумажному оттиску, снятому с надписи) и фотографии, на которых плохо различались поврежденные буквы («Корпус», № 597)

В апреле 1900 г. Латышев писал Косцюшко-Валюжиничу, что собирается приехать для личного осмотра эпиграфических находок последних лет (письмо сохранилось в архиве Херсонесского музея). В книге посетителей музея есть запись о пребывании Латышева в Херсонесе в течение двух дней—19 и 20 мая 1900 г. Но как выяснить, успел ли он среди множества памятников уделить внимание маленькой полустертой надписи? Пришлось обратиться к черновикам и подготовительным материалам к «Корпусу», находящимся в Ленинградском отделении Архива АН СССР. Там, среди множества бумаг, нашелся листок с беглой карандашной зарисовкой этой надписи, сделанной рукой В. В. Латышева. При сравнении рисунка с натурой стало ясно, что вынужденная поспешность привела к небольшой, но досадной ошибке, которая попала в издание и помешала прочесть надпись. Опуская профессиональные подробности, скажем лишь, что, приняв одну букву за другую, нельзя было дополнить начало слова («погибшего»).

Второе слово этой строки читается ПАЛАКИКОН. Оно, несомненно, связано с именем скифского царя Палака и позволяет выдвинуть два варианта толкования. Наиболее просто принять его за прилагательное «палаковское», согласованное в роде и падеже со следующим за ним существительным, от которого сохранилась лишь одна буква П. Более сложным, но интересным показался другой вариант: принять это слово за топоним «Палаковое», так как оно соответствует названию скифской крепости ПАЛАКИКОН (сравните два названия города Киммерика: КИММЕРИОН и КИММЕРИКОН). Поскольку надпись датируется II в. до н. э. (временем Диофантовых войн), такой вариант чтения позволил предположить, что во второй строке надписи говорится о войне, павшем в сражении под скифской крепостью Палакий.

Недавно был найден новый фрагмент этой надписи, который подтвердил ее принадлежность к надгробиям, но решил вопрос о чтении второй строки в пользу первого варианта, ибо там идет речь о палаковском войске. Приведенный пример показывает, как важно при дополнении надписи учитывать все возможные варианты и объективно оценивать каждый из них. Ведь неизбежно при новых находках одни гипотезы находят подтверждение, а другие нет. Таков закон развития науки.

Перейдем к греческим надгробиям римского времени и прежде всего рассмотрим целую мраморную плиту из Херсонеса (находка 1928 г.) с рельефным изображением сцены загробной трапезы и надписью: «Филократ, (сын) Фарнакиона, 75 лет, прощай». Здесь эпитафия составлена в форме обращения к покойному (увидим ниже и обратный случай — обращение умершего к живым) и указан его возраст (рис. 23).

Имя Фарнак иранского происхождения; оно было династическим в Понтийском царстве и, видимо, появилось на Боспоре, а затем и в других городах Крыма с приходом к власти Митридата VI Евпатора.

Мотив загробной трапезы, известный во всем античном мире, каждый мастер слегка варьировал в деталях. На этой стеле мужчина лежит, облокотясь на подушку и держит в правой руке венок, а в левой — кубок для вина. Перед ним — круглый столик с

едой (возможно, фруктами), рядом сидит жена, накрывшая голову плащом в знак траура, в углу стоит служанка с сосудом в руках.

Форма плиты, сужающейся книзу, ее декор, венки в руке мужчины, — все эти особенности характерны для памятников древнего Одесса. В первые века новой эры Херсонес был тесно связан с римской провинцией Нижней Мезией. Из Одесса вместе с другими изделиями, видимо, поступали заготовки для надгробий, а на месте резчики делали заказанную надпись.

Лица на рельефе не имеют ярко выраженных индивидуальных черт, но уже не похожи на идеальные образы героизированных умерших эллинистического времени, а в прическе «под Августа» мастер явно стремился передать моду своей эпохи.

Та же композиция на мраморной плите грубой работы и плохой сохранности из находок 1966 г., но содержание совсем иное, ибо в руке у мужчины вместо кубка свиток, а на столике, видимо, ящички для письменных принадлежностей. Над рельефом надпись: «Афиней, (сын) Аполлонида, прощай», датируемая по шрифту II в. н. э. (рис. 24).

Как показывают более пространственные надписи на других надгробиях, свиток был символом образованности и мудрости. Следовательно, и Афиней, сын Аполлонида, мог быть писателем, философом или ученым. Нижняя часть плиты отбита (сохранились лишь остатки головы в фас), а судя по аналогичным двухъярусным боспорским стелам, там изображали занятие покойного и давали пояснительную надпись.

Из всех городов Северного Причерноморья только в Херсонесе несомненно прослеживается влияние римского портретного искусства. К группе уже известных памятников этого рода можно добавить обломок мраморной надгробной плиты, найденной в 1927 г. около 19-й куртины оборонительных стен. По стилю рельефа и шрифту греческой надписи памятник датируется концом II — началом III в. н. э. С надгробия Аристолоха (имя частично дополнено) на нас смотрит немолодой лысеющий мужчина с крупным носом, полными губами и густой бородой. Здесь мастер сумел передать индивидуальные портретные черты человека.

Особого внимания заслуживают стихотворные эпитафии первых веков новой эры — образец творчества местных поэтов. Вот стихотворный перевод одной из них (выполнен К. М. Колобовой), которая вырезана на высокой мраморной стеле («Корпус», № 482), найденной в Херсонесе в 1892 г.:

Ксанф, сын Лагорина, прощай
Странник, скрываю собою я Ксанфа, который
Был утешеньем отца, Родины юной красой,
Сведущим в таинстве Муз, безупречным среди сонма сограждан,
Чтимый среди юношей всех, светлой звездой красоты,
В битве за Родину был он завистливым сгублен Ареем,
Сирым родителям слез горький оставивши дар.
О, если больше Плутому, чем вам достаются на радость
Дети, зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?

Как видим, поэт воспеваает красоту, достоинства и таланты Ксанфа, погибшего на войне при защите родного города.

Одно новое надгробие со стихотворной эпитафией интересного содержания было обнаружено случайно в 1958 г. Сохранилась левая часть плиты высотой 87 см (верх и низ отбиты) с концами пяти стихотворных строк. Характерные угловатые и узкие буквы позволяют датировать надпись III в. н. э.

Плиту оформляет плоская рамка, в середине — гладкий пояс, из которого выступает верхняя часть руки с раскрытой ладонью (вероятно, на отбитой половине плиты было рельефное изображение второй руки).

Поднятые вверх руки (жест адорации) символизировали в древности молитвенное обращение к небу, к богу. В Херсонесе оказалась еще одна плита с аналогичным рельефом

и плохо сохранившейся надписью («Корпус», № 576). М. И. Максимова [17], опираясь на монографию французского ученого Ф. Кюмона (1923), посвященную культу Солнца и символике поднятых рук, правильно определила плиту как надгробную, связанную с культом бога Гелиоса.

Ф. Кюмон собрал и выделил особую группу надгробий римского времени, в которых жест адорации сопровождается словесным обращением к Гелиосу с мольбой охранить могилу и памятник от разграбления и покарать осквернителей святыни. Иногда в этих надписях Гелиосу «поручали» найти и наказать скрывшегося убийцу покойного, ибо душа не отомщенного будет гневаться на родственников, не исполнивших своего долга.

Надгробия такого типа чаще встречаются в Малой Азии, откуда они распространились по другим районам античного мира. Их путь в Херсонес можно предполагать непосредственно из Гераклеи, Синопы, Амиса и других городов Малой Азии или вместе с римскими легионерами через Фракию и Нижнюю Мезию (среди легионеров было много выходцев из Малой Азии).

На кладбище Пер-Лашез в Париже стоит памятник жертвам фашизма — вырастающие из земли руки (рис. 25). Его автор, скульптор Э. Морле, в частной беседе сообщил, что оригинальную форму памятника он заимствовал из античного искусства. Они действительно близки по замыслу, только на древнем надгробии руки тянутся к Солнцу, а здесь — ко всем жителям планеты, напоминая и предостерегая...

Любопытна история и другой стихотворной эпитафии, которая найдена в 1911 г. («Корпус», № 716). Мраморная плита, оббитая со всех сторон, видимо, долгое время служила крышкой для пифоса. Поверхность сильно стерта и повреждена огнем. Над остатками надписи видны следы рельефа: складки длинной женской одежды.

В. В. Латышев не успел осмотреть плиту. Он воспроизвел лишь начало пяти строк, указав, что справа и внизу буквы «совершенно погибли», и воздержался от датировки надписи.

И вновь, как в случае с рассмотренным выше посвящением Деметре («Корпус», № 715), личный осмотр (аутопсия) дал такие важные детали, которые позволили вернуться к чтению и толкованию давно изданной надписи. Оказалось, что вырезанные буквы были обведены красной краской, которая сохранилась в углублениях на стертой поверхности камня. Быть может, огонь, повредивший верхний слой камня, одновременно как бы закрепил красочный слой. В результате тщательной очистки и промывки на поверхности выступили три строки внизу и ряд букв в правой части плиты. Теперь можно было по шрифту с уверенностью датировать памятник поздним временем — III в. н. э.

Стихи не поддаются полному восстановлению, но смысл их ясен. Некий Диоген оплакивает свою жену, прекрасную хозяйку и подругу, «честно и скромно прожившую три с лишним десятка лет, исполнившую время жизни...». Последние две строки написаны в форме диалога: «Милая и любимейшая» — слова, обращенные к покойной, «Прощайте, прохожие» — к живым. Перед нами образец характерной для римского времени пышной эпитафии с воспеванием личных качеств и достоинств человека.

В общем стремлении проявить свою индивидуальность — прогрессивное явление эпохи. Но набор хвалебных эпитетов вместо перечня конкретных дел и заслуг проник и в официальные декреты о проксении, почетные надписи и другие документы. О веянии нового времени иронически писал один анонимный автор I в. н. э.: «Лишний вес обременяет не только наши тела, но и речи, которые становятся рыхлыми, неправдоподобными и производят нередко на слушателя обратное действие» [18].

Однако вернемся к эпитафии, в которой заключен не вполне понятный на первый взгляд смысл: женщина умерла в цветущем возрасте, а сказано, как о глубокой старухе, что она исполнила срок своей жизни. Встречается ли нечто подобное в других надписях? Долго искать не пришлось, ибо метрическая эпитафия Парфенокла III в. н. э. («Корпус», № 485) не только повторяет это выражение (он тоже прожил всего 30 лет), но настолько

близка ей по построению и содержанию, что может быть с полным основанием приписана тому же автору.

Так как в этих загадочных словах могло быть заключено какое-то представление о продолжительности человеческой жизни, ее предопределенности, пришлось обратиться к обширной литературе об эволюции взглядов на судьбы людей и загробный мир. В эпоху империи процветали хлынувшие из стран Востока магия и астрология. Астрологи брались определить по положению звезд в момент рождения человека, сколько ему суждено прожить, и даже разработали шкалу с тремя сроками жизни: коротким, средним и долгим. Но главной частью «учения» было обещание бессмертия души, которая после окончания земной жизни переселится на Луну, звезды и другие небесные светила.

Над эпитафией Парфенокла изображены три звезды (их ошибочно принимали за украшение в форме розеток), окончательно убеждающие нас в том, что обе надписи связаны с проникшими в Херсонес астрологическими учениями.

Рассмотрев большую группу херсонесских надгробии, коснемся нескольких надгробных надписей из других центров. Прежде всего поговорим о плите, найденной в Ольвии в 1870 г. и особенно интересной благодаря схематическим изображениям, вырезанным под текстом греческой эпитафии. В литературе о них высказывались разноречивые мнения и приводились мало похожие друг на друга (а следовательно, неточные) зарисовки. Первый издатель памятника Ф. Струве (1870) определил изображения как знаки восточного происхождения, добавленные в позднейшую эпоху и не связанные с античной надписью. В. Н. Юргевич (1872) был склонен считать их одновременными, похожими на буквы, но не поддающимися объяснению. Оба издателя плиты не видели, а использовали присланные зарисовки и копии. В. В. Латышев уточнил текст греческой надписи и включил ее в «Корпус» (№ 185), а по поводу знаков присоединился к мнению Ф. Струве, считая, что дальнейшее их изучение — дело востоковедов.

Но чем больше всматриваешься в их подлинные очертания, тем больше убеждаешься в том, что это не сарматские и не поздневосточные знаки, а нечто совсем другое.

В. В. Латышев дал бесспорное чтение и перевод надписи: «Асфоруг, сын Караста, поставил плиту Ахиллу, сыну Калликла, на память» и датирует ее поздним временем. Характерные формы «альфы», «сигмы» и «омеги» позволяют уточнить ее датировку III в. н. э.

Расположение, стиль, инструмент убеждают в том, что надпись и знаки выполнены одновременно, рукой одного мастера, а значит, объединены общей идеей. На помощь пришла мысль о монограммах, встречающихся на античных монетах и посвячительных сосудах. Но откуда и зачем они рядом с эпитафией? Впрочем, прежде всего надо было проверить возникшую догадку. Второй знак легко, безо всяких натяжек, распался на составляющие его греческие буквы АХЛЕ (продленной чертой обычно обозначали букву I), т. е. дал монограмму имени Ахилл (в дательном падеже: АХΙΛΛΕΙ), которое мы читаем и в тексте эпитафии. В первом знаке внизу сочетание Α и Σ, выше — Φ, дающие начало редкого имени Асфоруг из той же надписи. Очень важно, что формы и пропорции букв в монограммах и надписи совпадают (исключение составляет лишь форма «альфы» в первой монограмме, видимо, обусловленная сочетанием с «сигмой»).

В итоге получилось как бы сокращенное содержание текста эпитафии: «Асфоруг Ахиллу». Две дужки сверху, вероятно, представляют собой знаки сокращения, которые иногда ставили в позднее время (в зарисовке Ф. Струве один из них имел очертания полумесяца) (рис. 26).

Важным аргументом в пользу предложенного толкования могли послужить аналогичные памятники, и после упорных поисков удалось обнаружить надгробие из Керчи римского времени (находка 1913 г.) с двумя более простыми монограммами, также повторяющими имена из эпитафии. Статья о памятнике из Ольвии была

опубликована в 1956 г., а в вышедшей в 1962 г. книге румынского ученого И. Стояна вновь была издана эпитафия с монограммой III в. н. э., на этот раз — сокращением известной формулы: ΧΑΙΡΕ, ΠΑΡΟΑΕΙΤΑ. Очевидно, надгробные стелы с монограммами — редкое явление.

В южной части Тарханкутского полуострова (Западный Крым) открыто несколько приморских городищ и селищ; среди них Джан-Баба с примыкающим могильником (с. Марьино). Еще в 1938 г. во время раскопки кургана на этом могильнике была обнаружена большая известняковая плита с рельефом и надписью (рис. 27). Местные жители спасли ценный памятник и в 1958 г. сообщили о нем в Отдел археологии Крыма. Сейчас он находится в экспозиции Областного краеведческого музея в Симферополе и опубликован в «Сообщениях Херсонесского музея» (1963).

По стилю рельефа и шрифту надписи это своеобразное надгробие, в котором сочетаются местные и греческие черты, можно датировать II—III вв. н. э. В верхней части двухъярусного рельефа изображен всадник с копьем в поднятой руке и горитом (футляром) с луком на правом бедре. Одет он в рубаху, плащ и штаны, на голове шлем с высоким гребнем. Перед всадником стоит женщина в длинной одежде с покрывалом на голове, в правой руке она держит ритон (сосуд из рога). На свободном поле около головы всадника небрежно вырезана сильно потертая греческая надпись, которую с трудом удалось разобрать. Она оказалась эпитафией со знакомой краткой формулой: «Ямах, (сын) Сомаха, прощай». Оба имени, вероятно, греческого происхождения, но первое до сих пор не встречалось.

В нижнем ярусе изображена сцена охоты: собака гонит оленя. Рядом с рельефом вырезана вторая надпись с сигнатурой (подписью) мастера. Ясно читается обычный для сигнатуры глагол «сделал» и начало имени, возможно, малоазийского. При описании мраморного постамента статуи Афины в Херсонесе отмечалось, что даже на крупных памятниках искусства редко ставили имя мастера. На надгробной стеле, да еще с небольшого поселения, подобная надпись зафиксирована впервые.

П. Н. Шульц видит в стеле из с. Марьино черты скифского, боспорского, сарматского и фракийского искусства. Они дополняются использованием греческого языка и письма.

Другой памятник, в котором местное искусство сочетается с греческой надписью, — известняковое надгробие из д. Фоти-Сала (ныне с. Голубинка Бахчисарайского района), найденное Н. Л. Эрнстом в довоенное время и хранящееся, как и стела Ямаха, в Областном краеведческом музее. Относится оно также к первым векам новой эры, но значительно более грубой работы. Над фигурой всадника читается окончание имени в родительном падеже, которое предположительно можно дополнить как «(надгробие) Апфа». Имя это, вероятно, негреческого, а фракийского или малоазийского происхождения.

Многие боспорские надгробия также украшены рельефным изображением всадников, но отличаются от названных выше композицией и стилем исполнения. Ряд боспорских эпитафий содержит представления о загробном мире; иногда указана профессия погребенных (учитель гимнастики, винодел, поэт, философ); выделяется группа надгробий иностранцев, приехавших на Боспор из разных греческих городов.

Особенно интересны эпитафии, указывающие на гибель от вражеской руки во время многочисленных столкновений боспорцев с местными племенами. Приведем для примера перевод одной стихотворной надписи I в. дон. э., красиво вырезанной на плите из белого мрамора: «Аполлоний, сын Аполлония, прощай. Ты неоплаканным сошел к Аиду, испустив ветрам дух под вражеской рукой, а твоя супруга стонет в слезах, восприняв нежданную скорбь. Погибла твоя красота, угасла прелесть, улетел разум, все полно горя: в твоём лице сломлен единственный канон доблести. Но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копьё, то ныне тебя примет не мрачный дом

(Аида), а обители героев, ибо тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь, после смерти, воздается всяческая честь» [19].

Здесь искусный поэт сумел сказать о многом — причине гибели героя, его достоинствах, скорби близких, упомянул мойр (богинь человеческой судьбы) и подземное царство Аида с особой обителью для героев.

Изучая эпитафии, все время имеешь дело с именами людей, т. е. с антропонимией, разделом ономастики, который достиг в наше время значительных успехов и помогает решить многие важные вопросы. С находками новых надписей (особенно граффити на сосудах) растет и количество неизвестных ранее имен, требующих толкования и включения в общие словари.

При работе над фрагментированными надписями часто встречаешь на камне или керамике конец имени. Как дополнить его начало? Обычный словарь имен здесь не поможет, а вспомнить все возможные варианты имен не представляется возможным. На помощь приходят специально составленные для эпитафистов обратные словари, т. е. построенные по окончаниям слов. Открыв такой словарь, можно быстро дополнить новое имя, найти все известные варианты, узнать, в каком общем словаре содержатся сведения об этих именах (их происхождении, районах распространения и пр.), или установить, что оно новое и еще не вошло в изданные словари.

VIXIT ANNIS...⁵

В период римского влияния население греческих городов Северного Причерноморья, как говорилось выше, сохраняло свой язык, письмо, а также основные обычаи, религию и культуру в отличие, например, от Мезии, Далмации и других провинций, подвергшихся сильной романизации. Поэтому латинские надписи в Херсонесе и других городах этого региона оставлены только легионерами, и их число весьма невелико. Остановимся на некоторых новых находках и дополнениях к старым надписям II — III вв. н. э.

Начнем с надгробия, найденного в 1946 г. в облицовке 19-й куртины, относящейся к раннесредневековому времени. Большая известняковая плита соединилась из двух частей (высота 135 см). Она украшена широкой гладкой рамкой, а сверху — фронтоном с двумя акротериями и розетками. Средняя часть и правый край надписи отбиты. Тонко прочерченные буквы были обведены красной краской. Сейчас многие из них повреждены и читаются с трудом. После раскрытия сокращений (в круглых скобках) и дополнения утраченных частей (в квадратных скобках) надпись читается так (пунктирной линией обозначается целая сбитая строчка):

D (is) M(anibus)
 Aelius Ma[ximus]
 mil(es) cl(assis) [F(laviae) M(oesicae)]
 vix(it) ann(is)...
 [mil(itavit) ann(is)...]

 b(ene)m(erenti) p(osuit)

Перевод: «Богам Манам⁶. Элий Максим, моряк Мезийского Флавиева флота, прожил лет столько-то, прослужил лет столько-то. Такой-то хорошо заслужившему поставил».

⁵ *Прожил лет столько-то* (из формулы латинских эпитафии).

⁶ Манами называли обоготворенные души умерших и в их честь совершали возлияния воды, вина и молока. Упоминаются с I в. до н. э., особенно часто — со второй половины II в. н. э.

Выше уже говорилось, что в Херсонесскую вексилляцию, кроме сухопутных подразделений, входили корабли римской эскадры. Имя моряка мы видели на алтаре Гая Валерия Валента III в. н. э., а теперь впервые — в надгробной надписи. Позже, на плохо сохранившемся надгробии, найденном К. Косцюшко-Валюжиничем в 1894 г. («Корпус», № 556), удалось «выявить» еще одного моряка той же эскадры, погибшего в возрасте около 20 лет.

В 1952 г. в средневековой постройке около 16-й башни была найдена надгробная плита, использованная в качестве строительного камня. При подготовке свода античной скульптуры Херсонеса сотрудники музея обнаружили в фондах верхнюю часть этого надгробия с рельефом (из находок 1901 г.). На нем, видимо, была изображена уже знакомая читателю сцена загробной трапезы, от которой сохранилась лишь фигурка служанки с сосудом в руках и частично — сидящей в кресле женщины [20].

Эпитафия принадлежит к категории надгробий, предусмотрительно заготовленных при жизни, что отмечено словами: *vivus sibi fecit* (живой себе поставил). Имя Аврелий Демас одновременно указывает на римское гражданство и греческое происхождение погребенного, который прожил 70 с лишним лет (цифры, естественно, дописывали уже родственники умершего).

Из облицовки 5-й куртины западной оборонительной стены в 1952 г. была вынута еще одна плита с латинской надписью. Как и другие римские надгробия, она грубо изготовлена из местного известняка и оформлена простой гладкой рамкой. Хорошо видны бороздки, оставленные инструментом, и тонкие линейки для надписи. Верх и левая сторона отбиты.

«Антония Прокула поставила дочери, хорошо заслужившей». В утраченной части было, вероятно, обращение к богам Манам, имя и возраст погребенной. Эпитафия интересна тем, что указывает на переезд жен и детей легионеров в места долговременных стоянок римских войск.

Уникальной оказалась плита из находок 1900 г. («Корпус», № 564), на которой после расшифровки некоторых латинских сокращений, удалось впервые в Херсонесе прочитать имена двух рабов [21] (рис. 28).

Братья Марин и Валерий, несомненно, попали в Крым вместе с легионерами и их семьями. Термин *verna* обозначает не покупных рабов, в родившихся и воспитанных в доме хозяина, но в правовом отношении они не имели никаких преимуществ. В отличие от свободных граждан рабам давали только одно имя. *Marinus*, созвучное латинскому слову «морской», часто встречается в качестве имени собственного в надписях Сирии и возводится теперь многими лингвистами к сирийскому *mar* (господин).

Наряду с рабами в латинских надписях упоминаются *liberti* (вольноотпущенники). Об одном из них — враче, погибшем в стычке с таврами, — говорилось выше в связи с памятниками медицины. Следует подчеркнуть, что на Боспоре имеется целая группа надписей первых веков н. э. об отпущении рабов на волю — ценнейших документов этого времени.

Интересны также некоторые астральные символы, не замеченные ранее на двух надгробиях легионеров. На фронте плиты Марка Мецилия, солдата испанской когорты («Корпус», № 553), изображен полумесяц; в сохранившейся нижней части другого надгробия («Корпус», № 557) вырезаны двойные уголки, трактуемые по аналогии как врата неба (верхнюю часть таких плит обычно украшали изображения Луны и звезд).

На одном краснолаковом светильнике из находок 1909 г. изображен бог Луны с полумесяцем на голове. Поклонники астрологии считали Луну главной покровительницей мертвых, и этот символ, по наблюдениям специалистов, особенно часто встречается на латинских надгробиях Испании.

Раздел, посвященный надписям, связанным с некрополем и заупокойным культом, был бы неполным, если бы мы не коснулись группы надписей краской на керамических сосудах первых веков новой эры, преимущественно III в. Давно находят в городах

Причерноморья шаровидные одноручные горшочки с надписями и точечным орнаментом, выполненными белой краской (рис. 29). По надписи «Пей, радуйся!», нанесенной на многие сосуды, их принимали за пиршественные задравные кубки для вина, но всестороннее изучение всего материала привело к совершенно иным выводам.

На горшочках встречаются имена египетских богов Сераписа и Исида, греческих богов Зевса, Геры, Гермеса, слово «Счастье», выражения «Да будет милостив ко мне бог», «Да будет милостива ко мне Тюхэ» (богиня судьбы), «Пей, радуйся» и др. На одном сосуде из Херсонеса названы Зевс и Гера, а на другом — Зевс и Исида.

Подавляющее большинство горшочков найдено в некрополе вместе с погребальным инвентарем. Часто они встречаются в богатых семейных склепах, заполненных дорогими привозными сосудами и драгоценными украшениями из золота и серебра. В таком сочетании трудно себе представить, чтобы простые глиняные сосуды местного производства употребляли на пирах. Плохой обжиг, шершавая поверхность и непрочная белая краска также более уместны для непродолжительного использования горшочков, судя по месту находки, скорее, для какого-то заупокойного культа.

Все перечисленные боги тоже имеют отношение к культу мертвых. Зевс и Гера были связаны с подземным миром как божества плодородия, Гермес провожал в Аид души мертвых, Исида и Серапис слились со многими греческими богами (Деметрой, Гекатой, Зевсом, Плутоном, Гелиосом) и считались охранителями могил и душ умерших в подземном царстве.

Помня о синкретизме религии позднеантичного времени и большом влиянии египетских богов (на горшочках их имена встречаются особенно часто), следует привлечь для понимания сути рассматриваемого культа некоторые египетские представления о загробном мире. Египтяне снабжали покойного «книгой мертвых» и своеобразным путеводителем с магическими формулами и картами для достижения рая. В их заупокойном культе особую роль играла вода. В некоторых греческих эпитафиях и табличках, положенных в могилу, упоминается река забвения Лета, которую рекомендуют обойти, и холодная вода источника Мнемосины (богини памяти), куда должна стремиться душа в подземном мире Аида для достижения бессмертия. У египтян было заимствовано учение о воздаянии: судьи взвешивают на том свете земные дела каждого, награждая одних и наказывая других.

В свете таких представлений найдут объяснение и остальные надписи на горшочках. «Пей, радуйся!» могло означать радость достижения источника бессмертия Мнемосины. Аналогичный смысл, видимо, вкладывался в выражения: «Да будет милостива ко мне Судьба» и «Счастье», а также «Да будет милостив ко мне бог». В последнем обращает на себя внимание отсутствие имени бога, что не характерно для греков и указывает на какое-то иноземное божество. Интересно, что на вотивном глиняном медальоне римского времени из Абруда (Дакия) та же формула со словами: «Да будет милостив ко мне Серапис и все боги». Это позволяет в безымянном боге на сосудах из Ольвии, Тиры и Херсонеса также предполагать египетского Сераписа. С другой стороны, выражение: «Да будет милостив ко мне бог» оказалось на краснолаковом блюде, найденном в 1866 г. в Керчи в земляном склепе III—IV в. н. э. Рельефная надпись внутри блюда сочетается с изображением павлина, клюющего виноград. Еще А. С. Уваров, один из основателей Русского археологического общества, и историк искусства (будущий член-корреспондент АН СССР) Д. В. Айналов выявили христианскую символику этого изображения: верующие вкушают учение Христа. В таком случае и надпись на блюде могла быть здесь обращенной к Христу. Ведь многие символы, обряды и формулы христианство заимствовало из разных языческих религий. Не исключено, что в этот период переплетения различных культов и религий в надписи на блюде сочетались христианские символы с обращением к египетскому богу. По крайней мере в самом Египте христианские епископы были одновременно служителями культа Сераписа.

Все эти факты важны для характеристики религиозных представлений позднеантичной эпохи, в частности для выяснения времени проникновения христианства в Северное Причерноморье.

КАМНИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Древние говорили: «Habent sua fata libelli», т. е. «Книги имеют свою судьбу». Это изречение можно с полным основанием отнести и к «каменным книгам», причем одни эпиграфические памятники начали «путешествовать» еще в античную эпоху, другие — сравнительно недавно. Лишенные «паспорта», они теряют свое значение, и задача науки — выяснить по возможности их происхождение и связь с определенной исторической средой. Иногда такому опознанию помогают содержание и язык надписи, стиль и особенности рельефа, а иногда — архивные и другие сведения.

Приведем один конкретный пример. В 1823 г. на месте бывшего Сарая, столицы Золотой Орды (недалеко от современного Волгограда), была найдена большая мраморная плита с многострочной греческой надписью. Она была издана в Петербурге, а затем включена в «Корпус греческих надписей» (Берлин, 1843). Судя по языку надписи, она могла происходить из какого-то дорийского центра и датироваться римским временем. Только после находки в Херсонесе в 1893 г. двух новых фрагментов В. В. Латышев узнал в них части того же памятника. Теперь ясно читался декрет о проксении в честь судовладельца из Синопы Кая Евтихиана, датированный серединой II в. н. э. («Корпус», № 364). Вероятно, правая половина плиты по неизвестной причине была завезена татарами из Крыма на Волгу. К сожалению, после перевозки из Сарая в Сарепту она погибла.

Французский эпиграфист Л. Робер проводил огромную работу по опознанию античных надписей в разных музеях мира и добился в ряде случаев блестящих результатов. Его публикации заставляют ученых других стран обращать больше внимания на памятники неизвестного происхождения. О двух из них будет рассказано ниже.

НА ЧУЖБИНЕ

В «Корпус» В. В. Латышева в раздел надписей из Ольвии включен один декрет, найденный в 1902 г. в Херсонесе, но никакой ошибки здесь нет (№ 21). Как и когда могла плита из Ольвии (с. Парутино близ Николаева) попасть в Крым? Для ответа на эти вопросы надо подробнее рассмотреть этот во многих отношениях необычный памятник (рис. 30).

Надпись вырезана на гладко отполированной мраморной плите глубокими четкими буквами. Видна рука опытного резчика, что вполне соответствует официальному характеру надписи, выполненной, как и другие декреты, по заказу государства. Но первые строки декрета специально забиты каким-то острым инструментом одинаковыми косыми насечками, а ведь именно в этих строках по строго выдержанной формуле должно быть указано имя, отчество и происхождение лица, которому Ольвия дала проксению со всеми соответствующими правами и привилегиями. Следовательно, это не простая порча камня от времени или вторичного использования, а сознательный акт, вызванный какими-то неведомыми нам обстоятельствами. Но прежде всего важно попытаться восстановить забитые строки, вернув в «строй» еще одну проксению — ценное свидетельство о международных связях Ольвии в эпоху эллинизма.

На основе аналогий с другими надписями Ольвии и других центров декрет следует датировать концом IV — началом III в. до н. э.

Осмотр плиты показал, что почти от каждой испорченной буквы сохранились хотя бы небольшие остатки линий, которые можно использовать для реконструкции утраченной части текста. Пришлось прибегнуть к графическому методу, а именно: к

перенесению на кальку остатков букв и очертаний сколов, а затем — к последовательному дополнению каждой буквы со строгим учетом ее формы и размера в данной надписи, расстояний между буквами, а главное — «топографии» сколов. Так постепенно стали вырисовываться отдельные слова, заполняться целиком пропавшие буквы. Наконец, с помощью знакомой формулы удалось дать однозначное чтение всего текста.

Надпись, на которую больше полувека смотрели, как на погибшую, заговорила. Трудно передать радость, которую испытывает исследователь в такие минуты. Приведем текст декрета с дополнением забытых строк: «С добрым счастьем. Ольвиополиты дали Дионисию, сыну Струтона, истрийцу, самому и потомкам его проксению, право гражданства, освобождение от пошлин за все товары, какие бы ни ввез или вывез он сам, или дети его, или слуги, и право въезда...». Нижняя часть плиты, где было продолжение обычной формулы проксении (о праве въезда и выезда в военное и мирное время без ущерба и без договора), отбита.

Перед нами новый важный документ о связях Ольвии с одним из крупных центров Западного Причерноморья — Истрией. Она, как и Ольвия, была колонией Милета, близкой ей по государственному устройству, экономике и торговле. В III в. до н. э. и в Ольвии, и в городах Западного Понта складывалась весьма напряженная внутренняя и внешняя обстановка. Положение в Ольвии ярко обрисовано в декрете в честь Протогена, о городах Западного Понта рассказано в хронике Мемнона.

В 260 г. до н. э. вспыхнула война города Византия с Истрией и Каллатией. Византии победил торговых соперников и еще больше укрепил свои позиции. Ольвия поддерживала тесные отношения с городами Западного Понта, но была кровно заинтересована в сохранении традиционной дружбы с Византией, контролировавшим проход торговых кораблей через Черноморские проливы. Можно предположить, что в сложившейся обстановке Ольвия скорее всего предпочла остаться на стороне Византия. В таком случае проксения в честь истрийца, выставленная в центре города, оказывалась не ко времени. Видимо, тогда и могли приказать сначала забить основные строки, а затем и вовсе убрать ненужную плиту.

В истории античных городов известно немало случаев уничтожения или порчи надписей по политическим причинам. В 403 г. во время «Тирании тридцати» в Афинах было уничтожено два декрета о проксении, а в одном декрете из Делоса сбиты имена и заменены другими. Факты забивки надписей по политическим, религиозным и другим причинам наблюдались и в городах Причерноморья. В Риме после насильственного захвата власти обычно по всей империи издавали приказ стесать в надписях имя свергнутого императора.

Почему дорогой привозной мрамор не использовал в Ольвии для изготовления какого-нибудь нового памятника, остается неясным, но в Херсонес он, видимо, попал случайно или в качестве простого корабельного балласта. Монеты и надписи (особенно новые находки на Ольвийской агоре) свидетельствуют об оживленных связях между Ольвией и Херсонесом в III в. до н. э. Недавно это было подтверждено еще одним херсонесским памятником. В Историческом музее в Москве хранится большая мраморная плита со строительной надписью 245 г. н. э. («Корпус», № 439). При ее осмотре в фондах музея на боковой стороне неожиданно обнаружили остатки надписи эллинистического времени в честь ольвиополитов. Очевидно, первоначально камень служил основанием для статуи с почетной надписью, которая оставалась незамеченной в течение ста лет (его перевезли в Москву в 1872 г.).

Попав в Херсонес, плита с ольвийским декретом о проксении, видимо, неоднократно использовалась, и этом свидетельствует то, что ей придали новую форму, уничтожив фронтон с акротериями, округлили верх, ровно отпилили нижнюю часть плиты, а с тыльной стороны вырезали вокруг желобок. В таком виде ее могли вставить в проем окна, использовать гладкую тыльную сторону для изображения прорастающего креста в средневековом храме и т. п. Последнее пристанище плита нашла в закладе двери

Загородного крестообразного храма, где и была найдена в 1902 г. во время раскопок К. Косцюшко-Валюжинича [22].

ДОРОГА ВЕДЕТ В РИМ

В фондах Крымского краеведческого музея в Симферополе хранится целая плита из белого мрамора, отполированная с обеих сторон. Простая рамка в виде желобка окружает десять строк четко вырезанной латинской эпитафии: «Богам Манам. Статей Пропозиде П(ублий) Статий Герма соорудил. Своей жене Статии Кале (или Калене) соорудил П(ублий) Секунд». По палеографическим особенностям надпись можно скорее всего датировать концом I в. н. э. (рис. 31).

В инвентарной книге музея указано, что плита поступила в дореволюционные годы из раскопок Ай-Тодора. Никаких других сведений в архиве музея найти не удалось. Среди материалов из римской крепости Харакс, изданных М. И. Ростовцевым, В. В. Латышевым и другими исследователями, эта надпись не фигурирует. Неужели она осталась неизвестной науке? В конце концов ее могли случайно найти после основных раскопок и потому не включить в издания, однако ряд вопросов вызвало содержание самой эпитафии, которые весьма трудно разрешить. Надгробие поставлено двумя мужчинами (видимо, братьями) своим женам, а никаких данных о гражданском населении в небольшой крепости на мысу Ай-Тодор у нас нет. Что же касается мужчин, то, судя по надписи, они тоже не имели отношения к отряду римских войск. Необычны и имена, указывающие на принадлежность всех поименованных лиц к римскому роду Статиев, известному в Северной Италии.

В поисках аналогий пришлось обратиться к многотомному «Корпусу латинских надписей». Трудно было поверить своим глазам: в томе, посвященном надписям из Рима, вдруг обнаружилась вместо аналогии ... сама симферопольская эпитафия! Плита находилась некогда в одном из соборов Рима и издана в 1894 г. в 4-м томе «Корпуса латинских надписей». Все становилось сложнее, а с другой стороны — яснее и проще.

На Ай-Тодоре до революции было имение великого князя Александра Михайловича Романова. В его коллекцию древностей, кроме находок на территории имения, входили памятники, купленные за границей. Вероятно, в числе последних находилась и рассматриваемая надпись, которую «хранители» в Риме продали иностранцам. Так, видимо, камень совершил путешествие в Крым. После революции, когда дворцы были национализированы, часть имущества из имения князя передали в музеи Крыма. Поступив в Симферополь вместе с находками из Харакса, плита получила неверный паспорт.

Итак, нашлась надпись, которая больше полувека считалась в Риме пропавшей. Это особенно интересно сейчас, когда происходит подготовка к переизданию «Корпуса латинских надписей» на современном научном уровне; в издании 1894 г. нет фотографии надписи, ее датировки, чтения и историко-филологического комментария. Все эти пробелы теперь можно восполнить [23].

Анализ имен свидетельствует о том, что эпитафия поставлена не свободным полноправным гражданам, а вольноотпущенникам знатного древнего рода Статиев. Третье имя Герма (от имени бога Гермеса) и женское Кале (красивая) греческого происхождения. Их часто давали в Риме рабам, причем не обязательно грекам, а просто привезенным из стран Востока, в которых был распространен греческий язык.

Эпитафия, попавшая в Крым, происходит из фамильного колумбария (усыпальницы) в Риме, где над урнами с прахом помещали каменные плитки с именами покойных.

Во многих музеях нашей страны наряду с эпиграфическими памятниками, найденными на территории СССР, хранятся греческие и латинские надписи, попавшие в прошлом веке из-за границы. Часть из них беспаспортная, издание других не

соответствует современным требованиям науки. Известно, например, что у графа Воронцова была большая коллекция «антиков», в том числе надписи, купленные в Риме и вывезенные по его поручению из Болгарии после окончания русско-турецкой войны. В советское время они поступили в ряд музеев, но без точных паспортных данных. В старых коллекциях были, конечно, и памятники из местных находок, и теперь весьма трудно, а порой невозможно их разделить. Поэтому мраморное надгробие Люция Фурия Севта, префекта I Фракийской когорты, с хорошей надписью и рельефом (переданное в 1935 г. в Музей изобразительных искусств из Алушкинского дворца) и мраморная плита Люция Сабина из Ялтинского музея только предположительно, на основе общих соображений отнесены к Хараксу, и В. В. Латышев не считал возможным включить первое из них даже под вопросом в раздел «Корпуса», посвященный надписям из Харакса.

Видимо, все эти памятники требуют пристального всестороннего изучения и поисков дополнительных архивных документов для их окончательной атрибуции.

* * *

Прочитав книгу, читатель познакомился с памятниками разного содержания, некоторыми приемами работы эпиграфиста, возможностями и границами современной эпиграфики.

Эпиграфист, подобно музыканту или живописцу, должен стремиться в совершенстве овладеть техникой своего дела, чтобы, преодолев все трудности суметь извлечь сокровенный смысл надписи, заключенные в ней мысли и чувства. Конечно, в отличие от творцов искусства служитель науки не создает, а лишь возвращает к жизни древние письмена. В широкое понятие «техники» в данном случае можно включить изучение шрифта и всех тонкостей палеографии, языка и диалекта, формы и породы камня, археологического контекста, формул и сокращений.

Каждая надпись становится своеобразным экзаменом для ученого: она задает самые неожиданные вопросы и касается разных областей экономической, политической и духовной жизни. На первый взгляд узкая отрасль науки — античная эпиграфика — требует для успешной работы глубоких и всесторонних знаний истории и культуры древнего общества. От эрудиции и силы логического мышления, острого глаза и смекалки, настойчивости и терпения зависит подлинный успех исследования.

Эстафета знаний переходит от поколения к поколению, и часто к одной и той же надписи возвращаются вновь, внося важные дополнения и поправки. Каждая маленькая победа достигается не легко и проходит почти незамеченной, но она дает истинное удовлетворение от сознания, что сделан еще один шаг вперед в изучении далекого прошлого.

«Факты — это воздух ученого», — говорил И. П. Павлов. Каждая надпись содержит новые исторические факты, а число надписей неизменно растет. Конечно, глубокое исследование требует привлечения разных видов источников (свидетельств древних авторов, данных эпиграфики, нумизматики, археологии), их всестороннего использования и сочетания.

В заключение хочется подчеркнуть, что изучение исторического прошлого — не антикварное занятие. Каждая эпоха — это звено в общей цепи развития человеческого общества, и в этом смысле прошлое не умирает, а помогает понять настоящее и увидеть будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов Ф. Ф. Труды. — Спб., 1910. — С. 638.
2. Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1884. — Июнь. — С. 35—77; *Он же*. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — Спб., 1887. — 314 с.

3. *Советская археология*.— 1958.— Вып. 28.
4. *Корпус боспорских надписей*.— М.; Л. : Наука, 1965.— 950 с.; *Надписи Ольвии*.— Л.: Наука, 1968.— 130 с.; *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— Киев ; Наук, думка, 1964.— 194 с.
5. *Суров Е. Г.* Новая херсонесская надпись // *Вести, древ, истории*.— 1960.—№ 3.— С. 154—158.
6. *Корпус боспорских надписей*.— № 1—5.
7. *Там же*.— № 38, 41, 52.
8. *Беляев С. А.* К пониманию СІІ VIII, 619//*Вестн. древ, истории*.—1968.—№ 4.—С. 127—137; *Соломоник Э. И.* О пребывании римского флота в Крыму // *Антич. древность и сред. века*.— 1973.—Вып. 10.—С. 142—145
9. *Соломоник Э. И., Антонова И. А.* Надгробия врачей из античного Херсонеса//*Вести, древ, истории*.— 1974.— № 1.— С. 94—105,
10. *Финогенова С. И.* Античные медицинские инструменты // *Сов. археология*.— 1967 —№ 1.—С. 147—161.
11. *Пругло В. И.* Эллинистические флаконы для лекарства//*Там же*.—1961.—№ 1.— С. 192—209.
12. *Щеглов А. Н.* Скульптурные изображения Асклепия//*Сообщ. Херсонес. музея*.— 1960.—№ 1.—С. 9—11; *Голенко К. В., Щеглов А. Н.* О культе Асклепия в Херсонесе Таврическом // *Dasia*.— 1965.— № 9.— С. 373—382.
13. *Solomonik E. I.* Neues zum Asklepioskult in Chersonessos // *Klio*, 1975 — № 57. — 5. 433—442.
14. *Граффити античного Херсонеса*.— Киев : Наук, думка, 1978.— 138 с.; *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса.— Киев : Наук, думка, 1984— 143 с.
15. *Маркевич А. И.* К вопросу о народах, живших в древнее время в Черномории//*Гр. 9-го археол. съезда*.— М., 1895.—Т. 1.—С. 280— 282, табл. VII А.
16. *Г раков Б. Н., Виноградов Ю. Г.* Новые надписи из Херсонеса Таврического // *Вести, древ, истории*.— 1970.— № 3.— С. 129—134.
17. *Максимова М. И.* Надгробие из Херсонеса // *Сов. археология*.— 1954.—Вып. 19.—С. 221—230.
18. *О возвышенном*.— М.; Л. : Наука, 1966.—С. 9.
19. *Корпус боспорских надписей*.— № 119.
20. *Античная скульптура Херсонеса*.— Киев, 1976.— №345.
21. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— Киев, 1973.— № 192; *Она же.* Латинские надписи Херсонеса Таврического.— М., 1983.—№ 22.
22. *Надписи Ольвии*.— № 15; *Соломоник Э. И.* Новые данные о связях Ольвии с Истрией//*Klio*, 1970.—№ 52 —С. 427—436.
23. *Соломоник Э. И.* Две латинские надписи из музеев Крыма // *Сов. археология*.— 1976.—№ 3.—С. 314—317.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Элла Исааковна Соломоник

ДРЕВНИЕ НАДПИСИ КРЫМА

Печатается по решению Редакционной коллегии научно-популярной литературы АН УССР

Редактор *Л. А. Лащенко* Оформление художника *С. Р. Ойхмана*

Художественный редактор *И. В. Козий*

Технический редактор *Г, С, Березяк*

Корректоры *Т, А, Обора, Л. В. Малюта, И. Г. Сильченко*

ИБ № 9545

Сдано в набор 21.05.87. Подп. в печ. 22.10.87. БФ 25145. Формат 84X108/32. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,2. Уч.-изд. л. 5,98. Тираж 14000 экз. Заказ 4368. Цена 25 к.

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина, 3. Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3 в областной книжной типографии. 290000, Львов, ул. Стефаника, 11.

Соломоник Э. И.

С60 Древние надписи Крыма.— К.: Наук, думка, 1988.—112 с.: ил. —Библиогр.: с. 110.—(В пер.): 25 к., 14 000 экз.

В книге рассказывается о сложной и трудной, но плодотворной и увлекательной работе ученых над прочтением и истолкованием греческих и латинских надписей Северного Причерноморья, главным образом Херсонеса Таврического и других центров древнего Крыма. Рассчитана на широкий круг читателей.